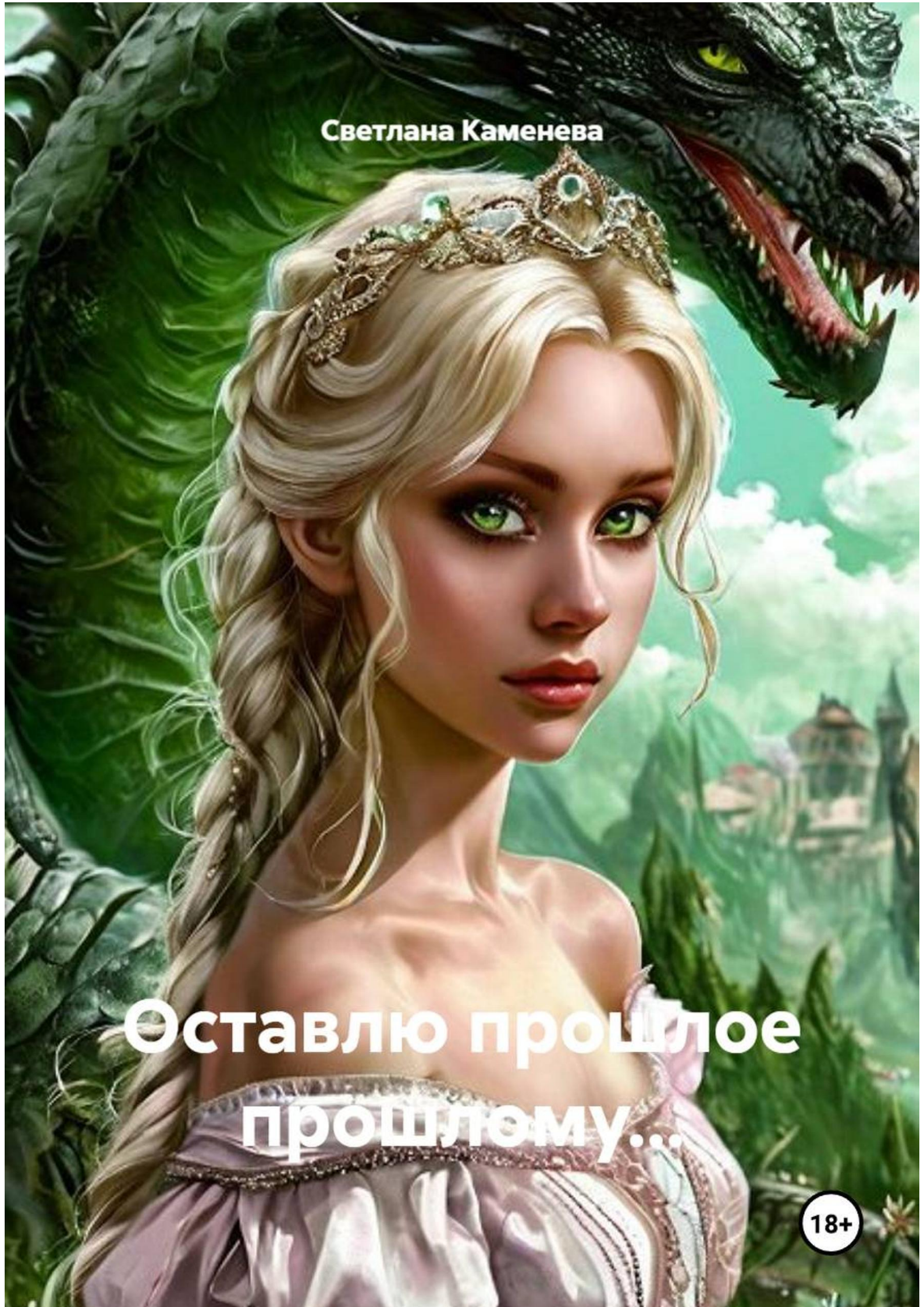

Светлана Каменева

Оставлю прошлое
прошлому...

18+

Светлана Каменева

Оставляю прошлое прошлому...

«Автор»

2026

Каменева С.

Оставлю прошлое прошлому... / С. Каменева — «Автор», 2026

Жизнь моя текла беспечно, Мне казалось, будет вечно в ней
всё правильно. Но Вселенная вмещалась, Ей, наверно, показалось:
не очень-то старательна. И замыслив мне подставу, Жребий мой не
по уставу изменила основательно. Мне подсунула подонка, А
сама смеётся звонко образцово-показательно. Я ведь по уши
влюбилась И в любви той растворилась, всем речам поверив
ласковым. За любовь была расплата – Не хватает даже мата
описать вам слогом грамотным. И теперь в другом я мире – Словно вишенка
в пломбире, аппетиты разжигаю зверские. Жизнь подносит
развлечения: Яд, булат, огня горенье – и почти сплошь рожи
мерзкие. Соревнуются в реале, Как в ментовском сериале, в моей
ликвидации. Я ж интриги разрушила, Даже крылья отрастила в
целях демонстрации.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оставляю прошлое прошлому...

Глава

Глава 1

Темнота держала меня крепко. Я вырывалась, тянулась изо всех сил к свету, маячившему где-то впереди, а она, холодная, вязкая, окутывала меня как спрут, не давала дышать, обездвиживала, сковывала. Но я не хочу в темноту – я хочу под солнышко. Откуда-то пришла мысль, что сдаваться нельзя, что, смирившись, потеряю и этот ничтожно малый шанс, что имею сейчас. Шанс на что? Сама не знаю, но борюсь. Мне показалось, или тьма действительно удивилась моей настойчивости? Она на мгновение ослабила хватку, прошелестев на грани слышимости: «Упрямая, то, что надо...» А я, собрав последние крохи сил, вынырнула в свет, глотнула воздух – лёгкие горели, словно адское пламя жгло их изнутри.

А дальше начался какой-то сюр, бред, абсурд – называйте как хотите, но более точного слова я подобрать не могу. Вокруг шло самое настоящее сражение, почти средневековое, правда, имеющее некоторые нюансы: страшные мужики, обвешанные железом, верхом на странных кожистых тварях с мордами и телами не то крокодилов, не то варанов, весьма кстати проворных, отбивались от пеших оборванцев, превосходивших их количеством раз в двадцать. Гремело железо, мимо меня проносились сгустки пламени, в воздухе стояла жуткая вонь, словно спалили тонну шерсти. Я сидела на обочине дороги возле перевёрнутой колымаги, привалившись к колесу, и пылилась на них, не в силах произнести ни слова. Вокруг трупы. И не один, не два, а десятка полтора, покромсанные, словно побывали в неведомом огромном жернове смерти. Столько крови, столько смертей я не то что в реальной жизни, в кино не видела. В кино ты понимаешь, что это грим, что всё ненастоящее, а здесь – лицом ко мне лежал молодой парень из верховых, перерубленный от плеча до лопатки. Странно, но он был ещё жив и пытался мне что-то сказать. Я сделала усилие и подползла к нему, чтобы услышать: «Леди, попробуйте призвать огонь...» После этого он закрыл глаза.

Какая леди? Какой огонь? Что происходит? Подняла голову вверх – взгляд мой упёрся в зеленоватую бездну. Почему небо не голубое? Мысли путались, и меня охватила странная горячка: снова опалило лёгкие, перед глазами заплескали языки пламени. В этот момент огромный, одетый в кожаные штаны и драную рубаху мужик с двумя клинками, заметив, что я подаю признаки жизни, бросил предыдущую жертву и направился прямо ко мне, ощерившись гнилыми зубами. Такой злобной рожи я отродясь не видывала. Руки сами собой взметнулись вперёд ладонями от себя, а из них, словно из сопла ракеты, вырвалось со страшной силой голубое пламя и оставило от нападающего только оплавленное оружие. Как так? Напротив меня метров на тридцать вперёд образовалась прогалина – гладкая, обугленная земля, на которой то тут, то там валялись куски металла. Зато жечь внутри перестало, словно я освободилась от чего-то.

Глава 2

Сражающиеся одномоментно замерли и уставились на меня. Я видела, как неверяще-воодушевлённо смотрят всадники, как испуганно – пешие, а потом как по щелчку пальцев битва вновь закипела с утроенной яростью, а обо мне словно все забыли. Пешие, лишившись многих товарищей (я неплохо проредила их огнём), вскоре потеряли задор, и их стали теснить. Через полчаса и вовсе всё было окончено. Я же, так и не обретя дара речи, сидела у обочины, уставившись на свои ладони, на которых не было ни ожогов, ни копоты.

Что-то ещё было не так, неправильно, но я, находясь в прострации, не могла сосредоточиться вообще ни на какой мысли. Не в силах смотреть больше на кровь, закрыла лицо

ладонями, и тут до меня дошло: руки не мои, по-другому на лице ощущаются. Тоже аккуратные, с длинными пальцами, но не мои. Где новогодний маникюр за сто баксов, который я сделала два дня назад? Вместо него обычные коротко остриженные ноготки. Где родинка между большим и указательным пальцами? За неимением зеркала стала себя ощупывать. Длинные волосы, собранные в сложную причёску, вместо моей очень короткой стрижки пикси – результата недавнего бунтарства. Черты лица пальпацией не определить, но губы гораздо полнее. А на затылке огромная шишка. Дотронулась – боль запульсировала. И одета странно: длинное голубое платье странной конструкции с широченными рукавами, на не моих ногах сандалии с высокой шнуровкой. Это точно не любимые потёртые джинсы и тёплые брендовые ботиночки. А где пуховик? Снег, наконец, где? С утра было 31 декабря, я готовилась к празднику.

Долго размышлять мне не дали: подъехал один из верховых – крепкий дядька лет сорока, широкоплечий, с чёрными как смоль волосами, кареглазый. Он соскочил с животного, стараясь не беспокоить левую руку, и поклонился:

– Леди Астрей, позвольте поздравить вас с обретением огня и выразить восхищение силой вашего дара.

А я, не поняв, что обращаются ко мне, стала осматриваться в поисках той самой леди, однако на эту роль претендовать никто, кроме меня, увы, не мог: вокруг одни мужики и неопознанные зверюшки, недобро косящие глазом. Люди окружили меня, а я смотрела на них во все глаза, даже рот открыла от удивления. Как там меня папочка учил: в любой непонятной или странной, на твой взгляд, ситуации сохраняй хотя бы внешнюю непоколебимость! Это сбивает с толка противника. Так и поступим.

– Зачётная реконструкция. Особенно лошадки впечатлили. Дайте угадаю: это передача «Розыгрыш»? Где ведущий? Когда мой маникюр успели снять и переодеть меня? Пуховик и джинсы верните, а то в вашем балахоне я запутаюсь и споткнусь, – высказывала я им, поднимаясь с земли и оправляя платье, которое действительно было неудобным.

Теперь окружающие отзеркалили недоумевающий взгляд, который был за минуту до этого у меня. Тот самый мужик, который подъехал ко мне первым, переминаясь с ноги на ногу, виновато улыбнулся, показав здоровущие клыки, и произнёс:

– Нас ваш муж предупредил, что вы, леди, весьма находчивы и обязательно попытаетесь нас запутать, а затем сбежать. Лучше не стоит. Сейчас экипаж поставят на колёса, соберут вещи, и мы продолжим путь к вашему новому дому. Конечно, лорду Гордиану мы пошлём гонца с сообщением, что вы обрели огонь и что необходимо расследовать нападение на обоз.

Тут уж я не смогла сдержаться – возмущению моему не было предела.

– Какой муж? Вы с ума все посходили? Нет у меня никакого мужа, и не было ни-ког-да. Слышите? Снимайте уже ваш грим. Посмеялись – и хватит. Меня жених ждёт.

Мои слова не произвели никакого эффекта. Мужчины, спешившись, занялись делами: одни стаскивали тела нападавших на обочину, осматривали и обыскивали их, и делали это так обыденно, что меня начало мутить; другие привели из ближайшего леса животных, очень похожих на тех, что под седлом, но более мощных, и чинили упряжь (видимо, «лошадки» убежали, когда транспорт перевернулся); третьи собирали и перевязывали собственных раненых. Кстати, тот парнишка, что со мной говорил, был вполне себе жив, даже сам встал, придерживая разрубленное плечо, которое уже не кровоточило. Всего я насчитала одиннадцать человек, кроме троих раненых. Тот дядька был у них за главного.

Меня никто не трогал, позволив просто сидеть и наблюдать. А я занималась тем, что выискивала проколы в «игре актёров», но должна была отметить, что в роль они вжились идеально, аутентичность на высоте. Интересно, как они животинку сделали? Не прикопаешься. Вспомнила даже старенький фильм «Холоп», где мажора перевоспитывали в атмосфере русской помещичьей усадьбы. Но я-то к мажорам никаким боком не отношусь, работаю с шест-

надцати. Меня незачем перевоспитывать. Стоп, а руки, волосы?.. А огонь из ладоней?.. Как это объяснить? Решила пока подыграть шутникам, потом вместе посмеёмся.

Настолько ушла в себя, что не заметила, как одно из животных, принявшись выступать на вытянутой морде ноздрями, подобралось ко мне. Очнулась, когда почувствовала горячее, не совсем свежее дыхание у своего лица. Шершавый язык прошёлся по моему лбу. Прямо перед глазами мелькнули мощные челюсти с рядами треугольных зубов, больше похожих на пилы. Одно короткое мгновение мой мозг обрабатывал информацию, а распознав угрозу... Истошный визг огласил окрестности. В ближайших кустах кто-то упал с веток и ломанулся напрямик в чашу; один из мужиков с испуга уронил себе на ногу поднятое им колесо и смачно выругался; ездовые животинки встреपнулись и сбились в кучу. Только подбравшееся ко мне чудовище не пошевелилось и смотрело, казалось, с обидой.

– Леди Астрея, это ж ваш личный цмок, вы его с яйца выкормили, – попытался вмешаться старший. – Не пугайте бедных животных.

– Какой цмок? Прекращайте свой балаган. Я отказываюсь дальше в этом участвовать, – истерила я.

Меня по-прежнему не стали слушать, просто каждый занялся своим делом. Этот, как его, цмок смотрел на меня с укоризной. Божечки, что происходит? Так, никаких резких движений, и подальше от страхолюдины. Вот совсем он не выглядит как домашний питомец. Огромная вытянутая морда с двумя рядами шипов вдоль, выступающими ноздрями, широкой лобной костью переходила в мощную длинную шею, которая напоминала скорее ствол старого дерева. Чёрные бездонные глаза, расположенные по бокам головы были лишены зрачков. Он всё время жмурился, и кожистые подвижные веки закрывали попеременно то один, то другой глаз. Узкий раздвоенный язык временами мгновенно вылетал из пасти, а затем возвращался обратно. Длинное подвижное тело опиралось на мускулистые пятипалые лапы с когтями сантиметров по десять. При этом у всех четырех конечностей предплечья чуть выступали в стороны, а нижняя часть ноги шла вертикально. Двухметровый хвост, ничуть не уступающий по толщине шее, всё время был в движении. И эта махина, в холке достигающая до плеча взрослому человеку, чего-то от меня хотела.

Благо, транспорт – большая коляска с откидным верхом и отделением сзади, заполненным сундуками, была готова. Меня не нужно было упрасивать занять в ней место – лишь бы подальше от приставучей скотинки. А та что-то обиженно проурчала и пристроилась в хвост колонны.

На мерное покачивание коляски, стресс и испуг мой организм отреагировал глубоким сном.

Глава 3

Я вернулась на несколько часов назад, в свою привычную жизнь.

– Новый год к нам мчится, скоро всё случится... – напевала я, подъезжая к даче своего жениха, где собиралась провести всю праздничную неделю. Только он и я, свежий воздух, шашлык, ёлка, шампанское... И много-много любви. Скоро я окажусь в кольце любимых рук, скоро весь мир перестанет для меня существовать. Я предвкушала близость, я таяла от одной мысли о нём. Как хорошо, что удалось сдать все зачёты в универе автоматом и на работе, в офисе отца, тоже срочных дел не оказалось. На целых пять часов дольше я пробуду с любимым, но мне всё равно мало. Знаю, что он тоже ждёт, наверняка готовит сюрприз.

Оставив машину за воротами, я чуть ли не бегом рванула через калитку, открыла дверь своими ключами, хотела скинуть пуховик... Но... дальше проходить не имело смысла: под ёлкой в гостиной на расстеленном пледе два разгоряченных тела предавались разврату. Именно разврату – пошло, откровенно, грязно. Олег, мой Олег, который был со мной предупредителен

и нежен, сейчас, не церемонясь, не сдерживаясь, в каком-то бешеном азарте имел грудастую пепельноволосую блондинку, в которой я признала его горничную. Девушка увидела меня, нагло ухмыльнулась в лицо и повернулась так, чтобы мне лучше был виден весь процесс. Олег же не замечал ничего, потому что был близок к финалу. Зарывав по-звериному, он смачно шлёпнул блондинку по заднице и попытался отдышаться. Только в этот момент он обратил внимание на меня, истуканом замершую в дверях. В его взгляде не было ни раскаяния, ни сожаления.

– Тебя не учили не приезжать без звонка? – зло выплюнул мужчина. – Я приму душ, и мы поговорим.

Но я увидела достаточно, так что разговор мне не был нужен. Развернувшись на автомате, я почти выбежала из дома. Вслед мне неслось:

– Не смей просто так уходить... Я столько сил приложил...

Я прибавила скорости и уже находилась на верхней ступеньке гранитной лестницы, которой так гордился Олег. Он, голый, разъярённый, попытался задержать меня, но успел ухватиться лишь за край шарфа. Этого оказалось достаточно, чтобы я потеряла равновесие и кубарем покатила вниз. Последнее, что я увидела, – неотвратно приближающийся к моему лицу угол последней ступеньки – самое её остриё, мой крик и фоном доносящиеся слова: «Ты всё испортила. Мне нужны связи твоего отца». Дальше темнота, с которой я боролась.

Глава 4

Открыла мокрые от слёз глаза. Понимание накрыло меня... Я же умерла... Наверное... Не выживают люди после такого. Может, кома? Это многое объясняет, но не всё. Я дышу, говорю, думаю, сон вот увидела, чувствую, наконец... А эти странности?... А чужие руки и волосы?... А огонь из ладоней, который я посчитала спецэффектами?... Теперь в моей голове было больше вопросов, чем ответов. Я же полюбила, я просто хотела замуж за того, кого полюбила. Что в этом плохого?

Моё подавленное состояние не осталось незамеченным: в плечо толкнулась огромная костлявая голова, и раздался вздох, совсем как настоящий. Вот что с этим цмоком делать? Между тем стало смеркаться. Солнце одним боком уже ушло за горизонт, нежная зелень небосвода в противоположном конце посерела, проявляя разноцветные огоньки разной степени яркости. Наступала ночь. Первая ночь неизвестности.

Ехали не останавливаясь, даже ужинали на ходу. Мне досталось несколько нарезок мяса с хлебом, и, по-моему, сыр, только он был странного цвета – серый. Я механически немного пожевала, запила водой, остатки скормила цмоку, чему тот был безумно рад, и снова погрузилась в свои мысли.

Если Василиса Князева, единственная и любимая дочь самого модного адвоката Москвы и владельца успешной адвокатской конторы, умерла, то кто я сейчас? И где?

Я привыкла мыслить рационально. Всем в детстве читали на ночь сказки, а я слушала бракоразводные и уголовные дела. Так родители и меня укладывали, и сами готовились к заседаниям. Жюль Верн и Конан Дойл мне заменило римское право, любовные романы – материалы о громких разводах прошлого. Исключением были братья Стругацкие. Собрание их сочинений полностью перечитала, а некоторые произведения и не по одному разу. Цепляло.

Естественно, в университет пошла на юридический. В конторе отца работала с шестнадцати: начинала курьером, к четвёртому курсу доросла до секретаря. Я не была занудой и заучкой: были вечеринки, были друзья. Я была обычной весёлой девчонкой, только чётко знала, чего хочу. Всегда трезво смотрела на мир, следовала пословице: семь раз отмерь – один отрежь. Получается, что единственная моя ошибка – Олег. Лишь раз позволила чувствам взять верх. И что из этого получилось? Родители, безусловно, докапаются до правды, всех на уши поставят. Что удивительно, сейчас анализирую и понимаю: звоночки, говорящие о двуличии жениха, были, но я их игнорировала, погрузившись в любовный дурман. К сожалению, история не знает

сослагательного наклонения, так что оставим прошлое прошлому. Есть вопросы потруднее: что это за место, как я здесь оказалась, почему выгляжу иначе? Вопросы, вопросы... Одни вопросы. Незаметно я провалилась в сон, в этот раз без сновидений.

Весь следующий день я внимательно смотрела по сторонам и всё больше убеждалась, что это не наша Земля: ни автомобилей, ни самолётов в небе, ни антенн, ни телефонов, ни железных дорог. Зато все передвигаются на цмоках, имеют при себе мечи, вместо собак за нами в деревнях гонятся мини-тиранозавры: прижимают к груди передние короткие лапки с острыми когтями и на двух задних несутся, курлыкая страшной костистой пастью. В поле тоже на больших ящерах работают, только со слоновьим телом и маленькой змеиной головой на длинной шее – этакие тяжеловесы. Так увлеклась рассматриванием достопримечательностей, что забыла ещё об одном важном моменте: у меня ж муж какой-то числится. Конечно, у этого тела своя история, хозяйка должна быть... Только где она? Смоталась, а на меня муженька повесила своего. Ладно, будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Три дня дороги вымотали меня настолько, что я была бы уже рада любой хибаре в качестве дома. Пусть будет хотя бы какая-то определённости, а не как сейчас – уравнение с десятком неизвестных.

К обеду четвёртого дня показалось имение, больше походившее на средневековый замок. Четыре сторожевые башенки по сторонам света были соединены крепостной стеной не менее пяти метров в высоту, а над стеной возвышалась крыша самого дома и ещё две башни. Дорога к воротам заросла так, что коляска еле продвигалась. Да и сами ворота с трудом открылись из-за ржавых петель. Что-то мне уже не нравится всё это.

В результате титанических усилий мы оказались на просторном, мощённом диким камнем дворе, который, на удивление, совершенно не имел признаков запустения. В дом вела огромная каменная лестница, один взгляд на которую воскресил в моём сознании недавние прискорбные события. Я замерла перед ступеньками, но всё же заставила себя сделать первый шаг, понимая, что со страхами нужно бороться.

Что ж, дом как дом: два этажа с высоченными потолками, пыль, мебель в чехлах. Солдаты, а теперь я знала, что меня сопровождают именно солдаты под командованием раби ракта Брутуса – командира верховой манипулы, выгрузили и занесли в дом сундуки, распрягли цмоков, поставили их в стойла (оказывается, коляска и животные мне остаются), а затем Брутус достал из седельной сумки свиток и зачитал мне мои права и обязанности.

Короче, я обязана находиться в этом имении пожизненно или до особого распоряжения моего мужа лорда Гордиана, ти рекса (читай, командующего) императорской армии. Максимальное расстояние, на которое я могу отойти от крепостной стены, равно двум зарам (один зар равен нашему километру), что соответствует расстоянию до ближайшей деревни. Соблюдение границ будет контролироваться магически. Тут я сделала круглые глаза: магия?

Я имею право нанимать крестьян для работы по дому, но не имею права принимать гостей из высшего сословия без согласования с тем же мужем. И дальше по списку, чего я не могу. В общем, ничего не могу.

На содержание мне выделяется пятьсот золотых в год. Тут же мне был вручён первый мешочек и связка каких-то металлических квадратиков, как потом выяснилось, ключей от дома.

Это что ж такого натворила прежняя владелица тела, что в такую немилость впала? Однако выслушала крайне внимательно – сказало, что выросла в семье юристов. Если задокументировано на бумаге, значит важно. И задала, на мой взгляд, важный вопрос:

– Кто раньше владел этим поместьем?

Ответ я получила вполне удовлетворительный: поместьем больше пяти тысяч лет, построил его пра-пра-пра-прадед лорда Гордиана, величайший маг-артефактор всех времён и народов, основатель современной империи. Построил его в конце жизни, чтобы было где на

старости лет предаваться размышлениям и отдыхать от общества. Из-за удалённости от больших городов здесь почти никто не жил долго, но все магические артефакты работают исправно, потому что созданы самим хозяином – Цезарем Великим. В этом месте мои глаза опять округлились. Интересно получается. Значит, Цезарь...

Напоследок солдаты проверили воду в колодце, оставили немного продуктов и посоветовали на ночь цмоков отпускать охотиться в лес, потому как зверья здесь много, а уйти они из-за магической привязки никуда не смогут. Староста ближайшей деревни должен пожаловать с утра, чтобы уладить хозяйственные вопросы.

Ворота закрылись – я осталась одна.

Глава 5

Я стояла посреди двора, не решаясь войти и начать хозяйничать. Чужой дом, странная реальность, магия... Что это всё значит? Кома? Посмертие? На вопросы мои отвечать некому. Любопытство в какой-то момент пересилило: до зубовного скрежета хотелось увидеть своё теперешнее отражение, ведь уже и так понятно, что выгляжу иначе. Лестница по-прежнему внушала ужас, но я загнала свой страх подальше и пошла знакомиться с новой собой. Зеркало нашлось на втором этаже, в комнате, видимо, служившей спальней. Зависла я надолго. От прежней меня не осталось ничего, кроме роста и комплекции. Раньше была яркой брюнеткой с короткой стрижкой, с карими глазами миндалевидной формы и кожей, имеющий оттенок лёгкого загара даже зимой, – наследство бабушки-сирийца, который приехал в Советский Союз перенимать опыт строительства коммунизма, да так и остался, влюбившись в дочку своего куратора. В зеркале же отражалась натуральная блондинка с белоснежной кожей, с огромными зелёными глазами, яркими пухлыми губками – такая фифа, девочка с обложки.

Теперь мне удалось толком разглядеть конструкцию платья, которое я не снимала трое суток. Да вы даже не представляете, каково это – три дня не иметь возможности помыться, переодеться, но, как ни странно, запаха пота я не чувствовала ни от себя, ни от солдат. Так вот, на мне была помесь хитона и непонятно чего ещё. Широченный отрез ткани был обёрнут в несколько слоёв поверх хитона вокруг груди и талии, из этого же материала приделаны к хитону огромные рукава, а нижняя часть была из европейского средневековья – пышной и многослойной. Размотала пояс-корсет – даже дышать стало легче. А юбка и рукава, оказывается, отстёгиваются. В итоге осталась в обычном хитоне до щиколоток. Похожу так, меня здесь всё равно никто не увидит. В дороге я обратила внимание, что крестьянки одеты практично и просто, но я вроде как леди... И зачем такие сложности?

Пора приниматься за ревизию, ведь в дороге ни одного сундука я не открывала. И неплохо бы подготовить место для ночлега – скоро вечер. Решила начать со второго. Я хоть и выросла в обеспеченной семье, но к домашней работе приучена – спасибо мамочке. С горем пополам вытащила на просушку матрас и подушки, открыла окно, щёткой, найденной на кухне, вымела паутину и грязь, а затем тщательно вымыла, пустив на половую тряпку один из чехлов. Попутно познакомилась с принципом подъёма воды из колодца. Даже бельё с кровати успела прополоскать. Больше ни на что сил не хватило. И только убрав спальню, обнаружила неприметную дверь в углу комнаты. Сюрприз – ванная, самая настоящая, с каменной купальней, с трубами, с кранами. Покрутила один ради интереса – вода пошла, холодная, второй – горячая. И унитаз, правда бронзовый, работающий. Счастью моему не было предела. Вот что, значит, имел в виду офицер, когда говорил о работающих артефактах. Да это подарок судьбы просто. Так, теперь к сундукам – надо бельё чистое найти да мыло какое-нибудь.

Перед помывкой решила выпустить цмоков в лес погулять. Взяла по кусочку хлеба каждому, а своему ещё и фрукт, похожий на грушу. Я уже привыкла к этой зубастой няшке, потому что к прежней хозяйке он был безумно привязан и ко мне лез с нежностями при каждой возможности, искренне радовался, готов был скакать, если я обращала на него внимание. Это в

принципе не вязалось с его размерами и устрашающим внешним видом. Надо бы ему кличку дать, а то всё «скотинка», «тварюшка». Животные отправились самостоятельно кормиться – хищники всё же, а я с удовольствием приняла ванну. Хоть что-то хорошее.

Первое утро в новом доме началось неожиданно: с нижнего этажа раздался звук настоящего колокола. Ещё вчера мне объяснили, что пугаться не стоит – это кто-то пришёл в гости и стоит у ворот. Закутавшись в огромный балахон, найденный в одном из сундуков, кое-как заплетя косу, потопала к воротам. Что там мне говорили? Открыть окошечко, убедиться, что плохого мне не желают, а только потом впускать. Так и сделала. За воротами в такой ранний час стояли две крестьянские подводы с четвёркой парней и десятком девушек и женщин. Все дамы одеты в простые длинные платья, на всех разноцветные фартуки, волосы спрятаны под чепцы. Оно и понятно, работают много, потому и одежда удобная. Руководил ими осанистый мужик лет пятидесяти – местный староста. Было заметно, что он не знает, как себя со мной вести. С одной стороны, как-никак леди, знать. С другой, приехала явно не по своей воле, почти в заточении буду находиться. Значит, самой надо границы устанавливать.

Заехали во двор, оглядываясь, потому что последние лет десять здесь точно никто не появлялся. Тут и цмоки мои появились, нагулявшиеся, сытые, сами в стойла прошли. А моя личная зверушка притащила в зубах добычу – кого-то очень похожего на небольшого кабанчика, только с костяным гребнем вдоль спины. Положил у моих ног и довольно оскалился окровавленной мордой, ожидая похвалы. Пришлось почесать под пастью, там, где шкура чуть нежнее, сказать, какой он заботливый. Это сразу разрядило обстановку. Мужчины удивлялись сообразительности животного, а женщины сразу стали предлагать блюда из поддубника. Оказывается, это местный деликатес. Потом и до главного дошло: пригласила старосту осмотреть дом и определить фронт работ.

Я тоже знакомилась с домом, который должен стать мне родным. На первом этаже была огромная кухня, которую тут же оккупировали три женщины, чтобы вымыть всё и начать готовить поддубника, огромная гостиная с камином, рабочий кабинет и несколько чуланов со стороны кухни, заполненные хозяйственными прибрлудами. Второй этаж занимали четыре спальни и зал для приёмов, совмещённый с музыкальной комнатой. Кроме того, были две башни: в левой – что-то напоминающее лабораторию со множеством склянок, пустых или чем-то заполненных, а в правой – простой чулан, где хранился всякий хлам. Подвал, который тянулся подо всем домом, оставила на потом.

Зайдя в мою спальню и увидев порядок, женщины разохались: зачем же я свои ручки марала, грязюку-пылюку убирала сама?! Делают вид, что возмущаются, но я-то заметила, что первые очки в их глазах я заработала: для крестьян много значит, что человек умеет что-то своими руками делать.

Несколько дней в доме стояла пыль коромыслом, каждый уголок отмыли, все ковры и матрасы просушили, в порядок привели. Я влезала в каждую мелочь и наблюдала, как амулетами пользуются. Мужчины занимались садом и двором, беседку подновили, где теперь я могу утром или вечером посидеть, взвару попить. Договорилась со старостой, что продукты будут мне из деревни возить, наняла одну горничную, повариху и мужика для хозяйственных работ, всё-таки совсем без мужских рук в таком большом доме не обойтись. Остальных буду звать по мере необходимости. Вот сейчас белошвейку пригласила: постельное бельё здесь очень грубое, а я привыкла к комфорту. Да и хочу, чтобы пошила мне кое-что из одежды, более удобное, чем есть.

Уезжали женщины довольные: и денежки заработали, и подарки получили – каждой по бутылочке мыла или шампуня подарила – всё равно их в сундуках не счесть. Со мной осталась повариха Галла – немолодая одинокая женщина, и горничная Лелия – миловидная брюнетка лет двадцати пяти, которая успела поработать в богатом доме в городе, умела причёсывать и разбиралась в моде. Муж Лелии – Мирт, занялся хозяйством, присматривал за цмоками.

Дом заметно преобразился: теперь он днём глядел на мир чисто вымытыми окнами, а вечерами сверкал огнями. По-моему, он радовался не меньше меня.

Моя одежда была аккуратно разложена по сундукам – шкафов здесь не знали, все баночки, бутылочки и флакончики заняли законные места в ванной и на туалетном столике в спальне.

И вот теперь меня снова стали одолевать мысли. Чтобы не заикливаться на грустном, решила обследовать подвал, позвав с собой Мирта и Лелию. К мощной дубовой двери долго подбирали ключи: их не было на общей связке. Замки здесь интересные, местные их называют «запоры». Это магически обработанные квадратики металла, которые накладываются на дверь, прилипают к ней, как магнит к железу, и дверь уже без ключа – другого металлического квадрата, настроенного на конкретный «запор», не открыть. Мои помощники хотели сдаться, но я была настойчива. Собрали все ключи, которые нашлись в доме во время уборки. Подошёл тот, который лежал в самом глубоком ящичке письменного стола в кабинете.

Если в доме не было никого уже лет десять, то в подвал не заглядывали, наверное, все сто, или даже больше. Каменные стены и пол – ни тебе отделки, ни мебели. Неширокие коридоры и несколько дверей в отдельные помещения. Одна вела в винный погреб, где в специальных гнёздах стояли бутылки и бочонки, покрытые вековой пылью. Мирт смотрел на всё это богатство как ребёнок на новогодний подарок. Лелии даже пришлось толкнуть его в бок, чтобы привести в чувства.

– На чужое рот не разевай, – строго сказала она мужу.

– Интересно, сколько этим бутылкам лет? Вино могло уже и в уксус превратиться, а вот коньяк должен стать только лучше, – проговорила я со знанием дела.

Мой отец имел свой небольшой винный погребок. Я видела, как любовно он ухаживал за каждой коллекционной бутылкой, обещал на мою свадьбу вскрыть бочонок с лучшим своим напитком. Слезы навернулись на глаза: как там родители?

Эту дверь я закрыла. Следующая комната была заполнена всякими хозяйственными мелочами, третья и вовсе пустовала, а самая дальняя была заперта, но никаких запоров сверху не наблюдалось. Просто полотно двери с ручкой. Мы втроем не смогли даже понять, есть ли вообще запор и где. Дверь просто не открывалась.

– Мирт, принеси лом и нож с тонким лезвием, будем вскрытие делать, – произнесла я.

– Что будем делать? – не понял он.

Полтора часа я пыталась найти хотя бы щёлочку, чтобы вставить лом и получить рычаг – тщетно. Даже тончайшее лезвие ножа нигде не цеплялось. Устала, счесала костяшки пальцев на одной руке, уронила лом на ногу Мирту, который мне ассистировал. Оперлась спиной на стену рядом с дверью – в замке что-то скрипнуло. Божечки, какая я дура, надо было с самого начала искать скрытые механизмы. Второе дыхание включилось, и я с удвоенным энтузиазмом принялась ощупывать камни. Не хотелось, чтобы кто-то ещё знал секрет, поэтому отправила горничную и её мужа наверх, а сама продолжила начатое. Нажала камень, на который спиной налегла, – он тут же втянулся, а в выемке, сбоку соседнего кирпича рычажок появился. Дверь поддавалась тяжело: видно, очень долго её не открывали. Меня обдало затхлым воздухом и запахом пыли, но это было неважно, потому что передо мной стояли шкафы (ШКАФЫ!), полностью забитые книгами и свитками. Всегда любила старинные фолианты, а то, что эти старинные, даже не сомневалась. Скорее всего, это наследство того самого Цезаря, великого и ужасного.

Кроме шкафов, был и письменный стол, тоже заваленный бумагами. Подошла ближе – и оторопела, потеряла дар речи, потому что поверх всего лежал конверт, подписанный по-русски: «Попаданцу, если, конечно, такой появится». Руки мои дрожали как у запойного алкоголика, в горле пересохло, мысли метались, как сумасшедшие. Неужели я смогу получить хоть какое-нибудь объяснение происходящему? Я уже перебрала в уме всё возможные варианты, но ни

один не удовлетворял. Так, стоп – попаданцу? Больше всего я склонялась к мысли, что сейчас нахожусь в коме, а мозг выдаёт фантастические картины. А кто такой попаданец?

Если честно, я боялась открывать конверт. Дрожащими пальцами притронулась к старой, пожелтевшей бумаге, взяла, рассмотрела со всех сторон и спрятала в объёмном кармане платья: не хотела читать впопыхах. Останусь вечером в доме одна и тогда, надеюсь, решусь (слуги мои жили в маленьком флигеле на три комнаты, где и ванная своя небольшая была).

Ещё одно открытие сделала, пролистав первую попавшуюся книгу, – это латынь. Откуда? Её я выучила в восьмом классе, чтобы читать в оригинале «Законы двенадцати таблиц». И в университете постоянно практиковалась. Очень жаль, что не посмотрела, на каком языке было написано то, что читал раби ракт Брутус. А книга имела не менее странное название – «*Historia Munbi Draconum*» («История Мира Драконов»). Фэнтези сроду не читала, но никогда не поздно попробовать. Тоже прихватила с собой и покинула подвал. Чувствую, эта комната станет моей любимой.

День, как назло, тянулся невероятно долго. Я пообедала, пообщалась с белошвейкой, которая привезла первый комплект постельного белья и простое удобное платье насыщенного зелёного цвета, правда, из ткани, напоминающей бархат. Она долго меня убеждала, что леди не пристало носить одежду из холстины, как у крестьянок. Успела обсудить с Галлой ужин. Но день никак не заканчивался. Даже провела цмока в стойле, покормила его яблоками и придумала ему кличку, решила назвать просто – Буцефал, или по-простому Буцик.

Всё время я ощупывала в кармане конверт, не могла дождаться назначенного мною же самой времени. Наконец долгожданный момент настал. Слуги отправились во флигель, а я заперлась в своей спальне. Было страшно. Распечатала конверт и достала два листа, исписанные убористым почерком.

«Дорогой соплеменник или соплеменница! Если ты читаешь это письмо, значит ты, как и я когда-то, попал в этот мир, закончив свой земной путь. Как ни прискорбно это звучит, но это действительно так, поэтому приношу свои соболезнования. Пишу по-русски, чтобы всё осталось между нами.

Прости, я не представился. Меня зовут Осип Александрович Немирович. Я родился в царской России и жил при Советском Союзе. В мирной жизни был учёным-историком, моя специализация – Древний Рим. В 1941 году произошло страшное – Гитлер напал на мою Родину. И я не смог остаться в стороне, в первый же месяц записался добровольцем. В декабре 1941 года я был под Москвой, защищал столицу. В одну морозную ночь начался обстрел наших позиций, враг снова пошел в наступление. Последнее, что помню: я около орудия, навожу прицел, а немецкий снаряд взрывается в полуметре от меня. Десятки осколков прошли моё тело насквозь. Я жил ещё несколько секунд, а дальше темнота, из которой я пытался вынырнуть. Хотел жить... И у меня получилось...»

На этом месте я остановилась и сверила наши ощущения. Со мной было то же самое. Всё-таки умерла...

«То, что было дальше, не укладывалось в рамки здравого смысла с точки зрения атеиста, учёного, простого советского человека. Я очнулся и понял, что я это уже не совсем я: тело не моё, но мыслю себя как прежняя личность. Оказалось, что я сын торговца, мне около пятидесяти, но выгляжу на восемнадцать. Он тяжело болел и, скорее всего, умер, а я занял тело. Всё вокруг странное: и животные, и люди, и обычаи. Техники нет, письменности нет, счёт на элементарном уровне. Сделал вид, что потерял память, а сам лет пять присматривался и изучал. Ясно было одно: домой мне уже не попасть, поэтому принял решение помочь этому миру стать лучше. А чтобы это сделать, надо было стать человеком при власти, вот и добивался этой самой власти следующие сто двадцать лет (не удивляйся, жизнь тебе предстоит долгая – от пятисот до тысячи лет). Я стал императором крупнейшего государства – империи Рим.

Эволюция в этом мире пошла по другому пути: астероид, который уничтожил в нашем мире динозавров, в этот принёс магию и дал толчок эволюции. Разумные существа – драконоиды, и многие животные произошли от динозавров. В этом есть свои плюсы: прекрасная регенерация – даже конечность отрастают новую, хоть и медленно, ты не будешь потеть, дети уже через месяц сами ходят, сами едят. Много ещё чего. Увидишь. Кстати, млекопитающие тоже есть, но их мало.

Мне не пришло ничего лучше в голову, как при строительстве империи использовать кое-какие идеи из Древнего Рима – взял то, в чём разбирался лучше всего, и применил к местным реалиям. Конечно, что-то пришлось адаптировать, изменить, что-то из других эпох и культур пригодились. Более развитый строй не для местных. С письменностью проще – латынь. Сформулировал законы, собрал армию... И дальше по списку.

Здесь сбылась моя мечта: я полюбил, женился, а на Земле к своим тридцати восьми был одинок. У меня родилось пять сыновей – главное моё достижение.

Когда не стало моей Ледии, я построил этот самый дом и отошёл от дел, чтобы провести последние свои дни в тишине и раздумьях.

За свою долгую жизнь всего дважды я встречался с подобными мне, но один из времён мамонтов, а второй погиб почти сразу.

Кто бы ты ни был, считай Саури (название мира я не стал менять) своим домом, полюби его всей душой, как сделал я, и он тебя удивит. Учи латынь и постарайся прочитать мои книги. Удачи. Прими нового, или новую, себя.

С уважением, Осип Александрович Немирович, которого в этом мире знают как Цезаря, первого император и мага!

Р. S. Единственное, что меня мучает, так это то, чем закончилась та треклятая война? Мы не могли проиграть!».

Письмо разбередило раны. Тяжело принять смерть, тем более собственную. В глубине души я всё же надеялась на лучшее – из комы всё же можно выйти. Теперь и этой призрачной надежды нет.

Я искренне восхищалась Немировичем. Смогу ли я? Найду ли в себе силы после предательства продолжить жить и стать счастливой?

Так и просидела до утра не сомкнув глаз. Вспоминала прошлую жизнь. Да, именно так, прошлую. Что будет дальше, увидим.

Глава 6

Судьба, видимо, решила надо мной поиздеваться, подготовив очередную пакость. Заснула я уже на восходе солнца (да, название звезды не изменилось), но выспаться мне было не суждено: через час услышала звук колокола. Надо что-то с этим делать, потому что грохот стоит такой, что посуда на столе подпрыгивает. И не до гостей мне – планировала засесть за историю Саури. Это для начала.

По двору загрохотали повозки, послышалось курлыканье цмоков, явно не моих, потому что за неделю я научилась различать своих по голосам. Сон испарился. Пришлось вставать и приводить себя в порядок. В спальню влетела Лелия:

– Леди Астрей, вставайте, времени нет – ваш муж, лорд Гордиан, приехал. Столько всего нужно успеть...

Не было печали. Муж – это последний человек, с кем бы я хотела сейчас встретиться, потому как даже не знакома с ним. Вот бы разузнать подробности событий, послуживших причиной ссылки. Но откуда? Будем импровизировать.

– Принеси мне новое платье. Да, и волосы просто расчеши, оставим распущенными.

– Помилуйте, с распущенными только девицы ходят. Вдруг лорд решит, что вы развода требуете?

Я задумалась. Немирович поступил разумно, сославшись на потерю памяти. Мне и притворяться не нужно, ведь реально ничего из жизни Астреи не помню.

– Лелия, понимаешь, в дороге на нас напали. Я вместе с экипажем перевернулась и головой ударилась. Шишка ещё даже не прошла. Вроде бы цела осталась, но многое не помню. Боюсь, даже мужа не узнаю, а ещё не помню, почему он меня сюда выслал.

– И всё? Да вся империя в курсе ваших проблем. Любимый племянник императора, красавец, ти рекс армии империи обманут собственной женой.

Тут Лелия поняла, что сболтнула лишнего:

– Леди Астрея, простите, язык без костей. Я имела в виду, что слухи ходят, будто вы лорда на себе обманом женили, а потом изменяли. Но слухи это слухи. Как было на самом деле, знали только вы, да вот теперь и сами забыли. Мы ж в самом начале очень испугались, что вас к нам выслали, не знали чего ожидать. Говорили разное: и вздорная вы, и ленивая, и капризная, и интриги плетёте от скуки, и грамоты не знаете... А вот приехали, сами комнату убрали, цмок вас обожает, а животных не обмануть. Вот мы и задумались: а правду ли говорят?

Я даже растерялась: конечно, у прежней Астреи была своя жизнь, но такой подставы не ожидала. Мне теперь и свою жизнь устраивать надо, и её косяки разгребать. А косяков, судя по словам горничной и по отношению сопровождающих, немало.

– Я не помню, какой была. А как мой муж хоть выглядит? А то ещё к другому подойду. Кстати, кто его сопровождает?

Тут Лелия замаялась, глазки потупила:

– Это... Тут такое дело... Фаворитка с ним, на которой раньше хотел жениться. Фульвия Карна.

– Он едет к жене и тащит с собой любовницу? И после этого жена плохая?

– Так племянник любимый императора, может себе позволить и жену, и любовницу...

Странные порядки, однако. И мне очень захотелось посмотреть на эту сладкую парочку.

Решительно направилась на выход. Подожду-ка я гостей на высоком крыльце – приём избитый, но работающий. Им придётся смотреть на меня снизу вверх, что не совсем комфортно для самооценки.

Вышла, стою, вниз и не думаю спускаться. А там разворачивается действие под названием «Покажи себя во всей красе и продемонстрируй чувства к мужику». И неважно, что не мужик это, а поумневшая ящерица. В самой настоящей карете (а меня, гад, в повозке отправил) сидит красна девица. Платишко цвета фуксии, на шее и на запястьях по килограмму драгметаллов с камешками. Оперлась локотком на дверцу, сделав томное выражение лица, и ждёт, когда её прекрасный принц прискачет на цмоке и ей ручку подаст. Сидит само очарование, мило улыбается.

От стойл цмоков широким шагом шёл мужчина лет тридцати. Я даже оторопела ненадолго, настолько он, зараза, был хорош. Понятно, почему любимец всех и вся. Высокий, но при этом гармонично сложенный, что не всегда бывает при таком росте. Широкие плечи пловца, развитые мышцы ног, обтянутые брюками из тонкой кожи. Светлая рубашка, расстёгнутая чуть ли не до пупа. И никаких зарослей на груди (у меня, кстати, под мышками и в интимном месте тоже ни намёка на поросль, думала, что эпиляция в моде). При приближении стали отчётливо видны черты лица, не скажу, что идеально правильные, но по-мужски очень привлекательные. Каштановые волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб и спускались чуть ниже ушей, довольно густые брови над болотного цвета глазами делали взгляд суровым. Вот нос был точно аристократическим – чуть с горбинкой, изящной формы. Губы плотно сжаты. В общем, породистый такой самец. Весь его облик кричал о самодостаточности и власти. Знаем, проходили,

больше не ведёмся на подобные заманухи. Всё равно ничего хорошего из этого не получится. Надо почитать, как добиться развода.

Девушка, как её там, Фуль..., в общем буду звать Фул для простоты слога, оживилась при виде моего муженька, открыла дверцу и протянула к нему ручки, соорудив страдальческое выражение личика.

– Милый, меня эта дорога вымотала, ножки затекли. Помоги спуститься, ты же понимаешь, что я опасаюсь за малыша.

Офигеть, новости. А любовница-то ещё и беременна! Что-то я радости на лице будущего папочки не наблюдаю, который, скривившись, как от лимона, поплёлся на призыв самки. Переигрывает девочка. Ну, пусть себе забавляется – от меня мужёнок быстрее отстанет. Из таких лапок не вырвешься. Вон как наверняка действует. Он ей руку протянул, а она ручкой за мощную шею обняла и шепчет что-то на ухо. Так и подошли к лестнице сиамскими близнецами. А я смотрю на это показательное выступление сверху вниз и улыбаюсь. Похоже, моя неадекватная реакция не осталась без внимания. А мне что? Это прежняя Астрейя была влюблена, и то не факт. Кто знает, какие там черти в омуте водились... Муж не мой – моя боль осталась за гранью, а здесь только деловые отношения будут, в крайнем случае брак по расчёту: он самый крепкий, как показывает практика. Судебная практика.

Меж тем лорд Гордиан смотрел на улыбающуюся меня с подозрением, а потом стряхнул с локтя Фул и зло произнёс:

– Я не вижу, чтобы ты приветствовала своего мужа как примерная жена, с уважением и покорностью. Тебя ничему жизнь не учит?

Фул решила вставить свои пять копеек:

– Я уже полчаса нахожусь здесь, а меня до сих пор не проводили в покои, не предложили ванну с травами после дороги. Милый, твоя жена ужасно воспитана: она не умеет ни в обществе себя вести, ни гостей принимать. Найми экономку, чтобы эта никчёмная под ногами не путалась.

Еле сдержавшись, чтобы не заржать, как можно более ровным голосом произнесла:

– Лелия, проводи нашу обожаемую Фул в комнату и ванну приготовь. Она бедняжка так устала в дороге, что тёмные круги круги под глазами появились.

Надо было видеть, как перекосило холёное личико от такого приветствия и неожиданного сокращения имени («ful» на латыни «полная», «толстая»). Она готова была взвиться, но один взгляд моего мужа её охладил.

– Иди и правда отдохни, у тебя действительно уставший вид.

Избавившись от любовницы, лорд пристально оглядел меня.

– Может, пройдем, – отзеркалив его взгляд, произнесла я, – или здесь разговаривать будем?

Меня буквально втолкнули в дом, поволокли за руку в кабинет, а затем швырнули на диван.

– После всего, что натворила, ты ещё смеешь дерзить? – лорд говорил жёстко, чётко проговаривая каждое слово, словно не слова вылетали из его уст, а пули из пистолета. – Ты сейчас могла бы гнить в темнице, молиться перед казнью, а не наслаждаться жизнью в загородном имении моего прадеда. Я вынужден был употребить всё своё влияние.

Он навис надо мной, подавляя мощной аурой, заставляя сжаться в комочек. Куда же встряла Астрейя, что довела до бешенства мужа? Он смотрел с такой ненавистью, с такой неприязнью, будто перед ним не женщина, которую он взял в жёны, а мерзкая жаба.

– Не обольщайся, – проговорил он уже спокойнее, – я здесь только для того, чтобы провести расследование нападения на моих людей. Было бы замечательно, если бы ты случайно погибла тогда. Для всех было бы лучше. Ты была моей женой всего месяц и за такой короткий

срок умудрилась настроить против себя весь императорский дворец. Для чего тебе это было нужно?

Я, спокойно ожидающая момента, когда мне позволят говорить, ведь перебивать взбешённого мужика не лучшее решение – пусть выплеснет гнев, ответила:

– Не помню. Я ничего не помню до того момента, как очнулась у перевёрнутой телеги. Ударилась головой. Если бы солдат не назвал моего имени, я бы не знала и его.

– Опять врёшь? Чего ты добиваешься? Это же легко выяснить. Со мной как раз лекарь для Фульвии. Кстати, скажи спасибо этому ангелу: она и её семья не стали настаивать на казни, встали на мою сторону. Их милосердие безгранично.

– Не вру. У меня шишка на затылке размером с компу (фрукт, величиной с яблоко), которая за неделю не прошла. Помню только то, что было после.

– Как ты совладала с огнём?

– Я вообще не поняла, что это было. Испугалась.

– Раби ракт Брутус не говорил, что ты была испугана, а вот то, что ты несла какую-то чушь, он пересказал в подробностях.

Гордиан посмотрел на меня внимательно, словно пытаюсь уличить во лжи.

– Вот от испуга и от того, что в голове была каша, и несла эту самую чушь.

– Ты узнала хотя бы кого-то из нападавших? – продолжал он допрашивать.

– Они были похожи на разбойников: все в рванье, пешие, в лицо запомнила только одного, который бросился на меня. Огромный, страшный, с гнилыми зубами. Только толку в этом нет – в пепел превратился.

– Вечером к тебе зайдёт лекарь, осмотрит. Да, и ужинать мы будем с Фульвией вдвоём. Тебе лучше не раздражать её.

Мне-то это на руку, но вот ни за что не поверю, что Фу (мне такое сокращение имени фаворитки ещё больше нравится) упустит возможность поиздеваться надо мной.

С Галлой пошепталась насчёт ужина, Лелию успокоила, что переполох ненадолго, Мирта poslali в деревню за свежими ягодами и сливками (оказалось, что молоко у них есть, его дают животные, чуть больше козы). Буду учить взбивать сливки и подавать с чарникой (один в один наша клубника). Поиграем в примерную жену. Ужин получился на загляденье: салат, филе рыбы с овощами и чарника со взбитыми сливками – мои помощницы глазам своим не могли поверить, когда увидели, что сливки стали воздушными, как облака.

Теперь в свою комнату. Спать хотелось ужасно, но доктора дожидаться надо – самой интересно, что скажет.

Рано расслабилась. На выходе с лестницы, уже на втором этаже, меня дёрнули за руку и с силой швырнули в стену – еле успела руки выставить, чтобы лицом каменную кладку не пропахать. Оглянулась – холодные глаза фаворитки мужа буквально прожигали насквозь. Куда делась девочка-конфетка? Передо мной стояла самая настоящая мегера, расчётливая, хладнокровная. О чём это я? Она ж и правда хладнокровная, как и все разумные в этом мире. Развить дальше мысль мне не дали.

– Тебе ясно было сказано: исчезнуть. Меня не волнует как. Я не хочу видеть больше твою рожу, никогда.

– Это взаимно, поэтому в твоих интересах мне помочь. Видишь ли, я тут на днях головой ударилась, не помню почти ничего, – проговорила я, вложив в слова изрядную долю яда. – Будь добра, расскажи, как быстро получить развод. Очень хочется начать новую жизнь.

– Ты, я смотрю, правда умом повредилась. Не может быть никакого развода, только смерть одного из супругов. Гордиан не простолюдин, а член императорской семьи.

– Я на него не претендую. Так не хочется опять в ваше змеиное гнездо. Уж лучше где-нибудь в сторонке. Мои проблемы – это ведь твоих рук дело?

– Что-то ты больно разговорчивая стала? Я десять лет, целых десять лет обхаживала племянника императора, отец из кожи вон лез, чтобы меня заметили, а тут ты влезла, вся такая правильная и с очень большим приданым. Тебе не место при дворе.

– Ну, с этим бы я поспорила. Короче, мы поняли друг друга. Меня не интересуют самодовольные ящерицы при власти, и я не жажду попасть к Гордиану в постель, – тут я состроила рожицу, словно меня тошнит. – А вот вы прям созданы друг для друга.

Фульвия, конечно же, не поверила мне:

– Больше предупреждать не буду.

– Кстати, обязательно попробуй десерт. Да, а лекарь твой личный или императорский?

– Гордиан с собой притащил. Препротивнейший старикан, всё время мораль читает и старые времена вспоминает.

Глава 7

Теперь хотя бы чуть-чуть прояснилась ситуация: завидный жених, предмет охоты всех любительниц получше устроиться, а тут появляется наивная провинциалка, и её ведут под венец. Не кого-то из их круга, а именно её. Моментально новобрачная становится врагом всего двора. Срабатывает правило: дружим против одного. Подставить её легче лёгкого.

Чуть яснее, но фактов всё равно не хватает.

Около двери меня ждал благообразный старичок, на вид лет ста (по земным меркам). Этаким образчик мудрости и степенности. Синие глаза, конечно, чуть потеряли яркость, но смотрели внимательно и по-доброму; старчески иссохшие губ терялись в густой белоснежной бороде, заплетённой в косу, а орлиный нос придавал величественности. На меня он произвёл неизгладимое впечатление – этаким Дамблдор.

– Милочка, ну где же вы ходите? Старого человека ждать заставляете.

– Это вы-то старый?! По-моему, вы в отличной форме, – а что я ещё могла сказать? – Простите, ради бога, должна была за приготовлением ужина проследить.

– Рад, что ваши нервы, леди Астрея, в порядке, а то в последнюю нашу встречу я опасался нервного срыва.

– Прошу, проходите. Продолжим разговор в комнате, – открыла я дверь.

Мне старик понравился сразу: было в нём что-то по-отечески доброе, спокойное, а мудрый взгляд располагал к общению. Наверное, поэтому змеюка Фульвия его терпеть не могла – не знала, как реагировать на искренние эмоции.

Усадив лекаря в удобное кресло (мебель себе сама подбирала – эти кресла нашла в одном из чуланов), сама устроилась напротив.

– Понимаете, по дороге в имение, я подверглась нападению, – начала я, не утаивая главного, – и, когда повозка перевернулась, ударилась головой. Очнулась – вокруг идёт бой, кровь, страшные животные. До сих пор на месте прошлого – пустота. Мне стыдно, но и вашего имени я не помню.

Взгляд лекаря посерьёзnel. Он встал и попросил жестом то же самое сделать меня. Обошёл вокруг, всматриваясь в область головы, ощупал ещё выступающую шишку на затылке.

– Что ж с одним вопросом разберёмся легко: зови меня дедушкой Альфиосом, а с потерей памяти сложнее. От полученного удара ты должна была умереть: в основании черепа свежий перелом, при котором никакая регенерация не помогла бы, но ты жива. Это настоящее чудо. И потеря памяти – ничтожная плата, могла бы и лет пятьдесят прикованной к кровати пролежать, а тебе потеря памяти только на пользу – совсем другой стала, здравомыслящей, взрослой.

– Неужели так изменилась? Вы мне вот что скажите: память ко мне вернётся? Я чувствую себя слабым детёнышем, выброшенным на улицу из родительского дома. Ничего не помню: чему училась, что любила. Приходится заново всё познавать. Вот книгу нашла, хочу почитать.

Старик посмотрел на меня ещё пристальнее, руками над головой поводил, прямо как наши экстрасенсы.

– А ну-ка присядь, милая. Что-то ты мне недоговариваешь. В прежней тебе магии были крохи, а сейчас бурлит как вода в котле, взгляд другой – серьёзный, цену себе знаешь. Прежде всё глазки опускала да со всем соглашалась, плакала постоянно. На книги и не смотрела, потому что грамоты не знала. Рассказывай уже давай. Я лекарь, всё останется между нами.

Я вздохнула и рассказала обо всём, что со мной приключилось. В конце концов, должен же быть у меня хоть один союзник. Может, сглупила, но старый лекарь вызывал только положительные эмоции.

– Да, дела, – проговорил он задумчиво. – Это меняет всё. По сути ты уже другой человек, и Гордиану, этому молодому нахалу, вовсе не жена. Послушай, тебе нужно здесь немного пожить, обвыкнуться, а я подумаю, как лучше поступить. Потеря памяти – это, конечно, хорошо, но всю жизнь этим прикрываться не будешь, да и Фульвия не будет сидеть сложа руки. Эта хитрая ящерица своего не упустит. Вдруг опять кого подошлёт.

– Сама понимаю. Мне бы только развод получить.

– С этим проблема. Твой муж – знатный патриций, хорошее приданое за тебя получил. Со всеми долгами рассчитался, многое потратил. Почитай, только дом в столице, что за тебя давали, и остался. Так-то он неплохой человек, только избалован императором и поклонниками, вот и не видит берегов. И в свою семью вернуться не сможешь: вышла замуж – стала чужой им.

– Меня волнует, как обстоят дела с законами о семье и браке. В своём мире я была дочерью известного юриста, то есть того, кто знает законы, и сама готовилась ту же профессию получить. Разбираюсь в этом. Здесь много книг Цезаря. Надеюсь в записях великого мага найти что-нибудь полезное, только время нужно.

– После смерти Цезаря Великого ни разу не менялись законы, порядок старый сохраняется, но о некоторых законах уже никто и не помнит. Постараюсь выиграть для тебя время. Интересная ты душа. Вот как всё разрешится, сядем с тобой и поговорим по порядку, неспешно.

– Обязательно поговорим. А кто был в курсе, что душа Цезаря не из этого мира?

– Это тайна императорской семьи, даже большинство сенаторов не в курсе. Выпрошу разрешение переписываться с тобой, чтобы наблюдать за восстановлением памяти.

За какой-то час этот старик стал мне почти родным. Не хотелось его отпускать.

Глава 8

На следующее утро муженёк с любовницей отбыли в столицу. Фульвия, не переставая, строила из себя бедняжку, которой все желают зла, опять довела до слёз Лелию, которая, видите ли, не той температуры напиток подала, а сама сожрала все сливки с ягодами. Перед отъездом Гордиан милостиво сообщил, что пришлёт учителя магии, раз уж огонь я обрела.

И опять покой и благодать воцарились в доме. Куда я первым делом побежала? Правильно, за книжками – надо спешить.

«Историю Мира Драконов» осилила за два дня. Рассудила, что полученные сведения должны стать основой конкретных законов и постановлений. Немирович, конечно, постарался при написании книги. Это сколько ж историй, легенд и мифов надо было выслушать, чтобы получить труд такого уровня. Одно слово, учёный. Ещё надо за сказками и выдумкой разглядеть реальные события.

В общем, около миллиона (срок очень приблизительный) лет назад метеорит врезался в планету, но ни взрыва, ни ударной волны не последовало, потому что это было не твёрдое тело, а сгусток вещества. Как потом выяснилось, магии, которая коконом окутала сушу и океаны. На тот момент динозавры властвовали на планете, как у нас шестьдесят пять миллионов лет

назад. Самые сообразительные – троодоны, дейнонихи и игуанодоны, попав под облучение, стали эволюционировать, причём стремительно: магия весь процесс ускорила. И появилась гуманоидная раса. Сильнейшие и одарённые обрели огонь, который плавил даже камень. Было много тех, кто владел воздухом или землёй, реже – водой. Научились использовать силу себе во благо, стали создавать артефакты, заряженные силой. А в остальном жили как обычные разумные: пахали, строили, рожали детей – именно рожали, то есть стали живородящими – так магия распорядилась.

Немирович попал в этот мир более шести тысяч лет назад, в век войн всех со всеми: жили небольшими княжествами, отбивались от соседей, сами совершали набеги. Сил много, регенерация работает, живут долго. Нет, чтобы развивать технологии, а они только воюют. Больше ста лет учёный шёл к власти, объединял, спланировал, организовывал, и в результате появилась империя, огромное государство с чётко выстроенной вертикалью власти. Цезарь Великий ввёл письменность и заставил всех учиться, составил свод законов, по которому живут и сейчас, поддерживал искусство. Да, и он ввёл в обиход слово «человек», называя по привычке так всех разумных. Слово прижилось и ни у кого не вызвало неприязни.

В этом мире империя Рим занимала почти весь крупнейший материк, очень благоприятный по климату: хладнокровные предпочитали жить там, где потеплее, где нет зимы. На севере Аруса (так называли материк) и в Западных горах ещё встречались племена неприсоединившихся, живших доисторическим укладом поселений. С ними иногда торговали, но насильно не оцивилизовывали.

Северный материк – Айрес, был покрыт более чем наполовину льдами, и вот там жили редкие млекопитающие – мелкие кошачьи и парнокопытные.

Были ли за океаном ещё материки, не знает никто: прочных кораблей строить пока не научились. А вот в мифах встречались истории о том, что из-за океана прилетали крылатые чудовища и воровали девушек. Ни одного подтверждённого случая Цезарь привести не смог.

То ли на магию рассчитывают потомки динозавров, то ли просто ленивые от природы, но технологии продвигать не спешили, жили и живут привычным укладом. Какими были экипажи пять тысяч лет назад, такими и остались.

Потом стала разбирать свитки – там были и действующие законы, и готовые проекты, и наброски. Я их раскладывала по кучкам – заодно и в порядок всё приведу. Лелия только удивлялась:

– И вы, леди, всё это прочитали? И разобрались в этом? Может, вредно столько сразу читать? А почему ж говорили, что вы не знаете грамоты? Как же так врать-то можно?

Среди женщин здесь грамота и знания вообще не в чести, хотя Цезарь своим указом велел учиться всем, дал равные права мужчинам и женщинам. Но кто-то пустил слух, что от чтения морщины появляются, вот и бросали школу девицы, едва научившись по слогам читать и простые числа складывать, а среди плебеев представительницы прекрасного пола предпочитают так и оставаться неграмотными.

Ещё через неделю моей спокойной жизни пришёл конец – приехал учитель магии, а я ещё и половины не разобрала и ничего обнадёживающего не нашла пока.

В одно прекрасное утро... Вернее, оно было прекрасным, пока не появился этот, даже не знаю, как его назвать – пусть будет высокомерный, чванливый, чопорный, надменный и так далее и тому подобное – выскочка. Личный учитель всей монаршей семьи. Все императорские (родные, двоюродные и т. д.) отпрыски уже выросли, отучились, и он слонялся без дела по дворцу, вот его и отправили ко мне.

В тот момент, когда я уже собиралась отправиться в святая святых – каморку в подвале со свитками, раздался звук колокола. Мирт впустил в ворота экипаж, украшенный вензелями с позолотой, из которого появился невысокий худощавый драконоид преклонных лет. Судя по всему, возраст свой он не принимал: худенькие ножки были плотно обтянуты лосинами из

кожи и смотрелись как цыплячьи лапки. Шёлковая белая рубашка с пышным воротником-жабо и воланами на рукавах была расстёгнута до середины (это у них модно что ли – вспомнился муженёк). Образ дополняли высокие ботфорты и кудри ниже лопаток, тщательно завитые и, по-моему, крашенные – не бывает натуральных чёрных с синими прядями волос. Остроносое птичье личико смотрело презрительно-надменно тёмно-карими, глубоко посаженными глазами-бусинками. При своём небольшом росте он умудрялся глядеть на всё и на всех сверху вниз. Вот это самооценка у моего будущего учителя!

– В моих покоях должна быть ванна, на кровати матрац из пуха гаргул и шесть подушек разного размера. Я ем четыре раза в день по строгому расписанию – меню предоставит мой личный слуга, – визгливо проорали мне в лицо.

От такой наглости я впала в ступор, только кивнула болванчиком.

– Чего стоишь? Сундуки доставай из экипажа и тащи в комнату, – это опять-таки мне.

Вот на этом моё терпение и закончилось.

– Уважаемый, вас не учили представляться? Я не намерена впускать в свой дом неизвестных личностей (нет, конечно, я догадалась, кто передо мной, но зачем потакать хамам...). Вы приехали в чужой дом, а распоряжаетесь как в собственном.

Надо было видеть, как встрепенулась эта просроченная доисторическая птичка: глаза из орбит чуть не вылезли, побелел весь, нижняя челюсть затряслась – лишь бы кони не двинул. Я не понимаю, как Астрея довела ситуацию до того, что каждый может вытирать об неё ноги. Перед ней, как перед представительницей высшей знати, членом императорской семьи, должны спины гнуть, пытаться заслужить её одобрение, а тут и какой-то вояка, причём не из высшего руководства – Брутус, и любовница муженька, и учитель к ней как к прислуге относятся. В чём же истинная причина?

Чего я только не услышала!

– Я потомственный патриций, мои предки вместе с Цезарем Великим строили империю, я воспитал несколько поколений монаршей семьи. Перечисление моих заслуг займёт несколько часов, а твои предки ещё три поколения назад были плебеями.

– Да поняла я, что вы заслуженный-перезаслуженный, такой важный весь из себя. Единственно, что вам неведомо – это вежливость и скромность. Вы мне имя своё назовите, а то память я потеряла, когда меня сюда конвоировали. Вам разве достопочтимый Альфиос об этом не сообщил?

– Нахалка! Хамка! Деревенщина неграмотная! Да как ты смеешь? Тебе честь оказали одним моим присутствием!

Похоже поездку в это имение так далеко от столицы учитель считал ссылкой, опалой и пытался мне показать всеми силами, насколько ему ненавистно само присутствие здесь.

Я выдержала паузу после гневного монолога и спокойно проговорила:

– Значит так, уважаемый, давайте сразу договоримся. Во-первых, грамоту я знаю и знаю вполне прилично. Во-вторых, вы всё же назовёте своё имя. В-третьих, будете вести себя так, чтобы не позорить свой великий род истериками, то есть достойно. И, в-четвёртых, кухня у нас одна для всех, еда без изысков, но вкусная. Вы меня поняли? Так как к вам обращаться?

По-моему, этот столичный щёголь сейчас взорвётся, поэтому попыталась смягчить:

– Не стоит так волноваться, а то ещё удар хватит, вы-то уже не юнец. Лучше будет, если мы с вами общий язык найдём. Между прочим, здесь не так уж и плохо.

– Меня зовут лорд Блэзиус Корнелий, – прошипел он змеем. – И я не потерплю панибратства. Обращение только по этикету.

На этих словах он повернулся на каблуках и прыгающей походкой направился к крыльцу.

За обедом (Галла превзошла себя) он несколько смягчился, и мы обсудили наше расписание: договорились заниматься два часа с утра до завтрака и два перед ужином. Учитель настаивал, что на голодный желудок магия чувствуется лучше.

Первое занятие следующим утром походило на сумасшедший дом. Блэзиус заставлял меня глубоко дышать и орать, а потом прислушиваться к себе. Он вёл себя по-прежнему высокомерно, всякий раз, когда было необходимо дотронуться до меня, вытирал руки белоснежным кружевным платком и причитал, что кругом одни плебеи. Вне зависимости от времени суток его волосы были завиты, ногти с маникюром, и выглядел всегда так, будто вот-вот отправится на светский раут. Один раз после того, как прокричалась, почувствовала в области солнечного сплетения какое-то шевеление, а уже через пять дней смогла магию вывести из внутреннего круга во внешний, то есть сформировать на ладони крошечный огонёк. Надо сказать, что этот надменный хлыщ был-таки неплохим учителем. То первое появление огня было спонтанным – так бывает у большинства. А дальше самое тяжёлое – нужно научиться управлять стихией.

За проведённое в имении время я получила одно письмо от муженька, который требовал отправить мою повариху в его столичный дом, и два от старого лекаря с моральной поддержкой – большего он предложить не мог.

Глава 9

В один из дней я осознала, что нахожусь в этом мире уже месяц – Немирович ввёл здесь привычное нам летоисчисление, те же двенадцать месяцев, только по сорок дней, а неделя равнялась десяти дням. Попала я сюда третьего мая, а сегодня третье июня.

Впечатление, я вам скажу, неоднозначное. С одной стороны, магия, способности: засух и ураганов не бывает, потому что можно вызвать дождь или развеять тучу; здоровье отменное даже у стариков – регенерация старается, сама видела крестьянина, у которого ампутированная рука за три недели на два сантиметра выросла. Но вот с другой, какие-то все здесь инертные, ни к чему не стремятся – праздность и лень. Вот интриги плести – с удовольствием, но наукой заниматься никто не хочет, музыка и песни есть, но опять же частушки, прибаутки под три аккорда – ни тебе романсов, ни баллад, не говоря уже об опере. Я не увидела в доме ни одной картины. Печально.

И в императорский дворец мне не хотелось, потому что аж трёх представителей высшего света узрела – хватило с меня.

Складывалось впечатление, что жители Саури и сами не знают, зачем живут, но при этом довольны всем. Что с местными не так?

Поневолe вспомнились слова из романа моих любимых Стругацких: «Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность...»

Как верно сказано, как точно! Об этом ли мечтал Осип Александрович, когда вкладывал всю душу и все силы в этих разумных?! Они привыкли вариться в котле бессмысленных и бестолковых телодвижений, но не стремятся разгадать тайны звёзд, не мечтают о великих открытиях. Да что говорить, им не интересно, что находится там, за океаном. Даже рукописи самого Цезаря просто лежали в подвале и пылились пять тысяч лет. Про них просто забыли.

А я часто вечерами выбиралась на крышу и смотрела на чужие звёзды. Здесь они казались намного ярче, чем на Земле, и было их заметно больше. Смотрела, и моё прошлое, Василиса Князева с её мерзавцем-женихом, представлялось чем-то таким далёким, таким нереальным. Уже не было той обжигающей боли, с которой я появилась в этом мире, но была тоска, не менее, скажу я вам, противное чувство. Зная, что к утру это пройдёт, сидя на нагретой за день черепице, всё же нет-нет, да и роняла одинокую слезу.

К этому времени я закончила разбор записей моего соотечественника. Конечно, он позаботился о подобных себе. Приказ императора Цезаря Великого гласил: «Иномирной душе, вселившейся в тело драконоида, оказывать всяческую помощь. Следует считать пришедшую душу самостоятельной личностью, освобождать от обязательств прежнего владельца тела, вся-

чески адаптировать и выдавать из казны сумму, достаточную для покупки дома и открытия своего дела».

Этот указ с подписями и печатями я припрятала отдельно, словно чувствовала, что не всё гладко пройдет.

Между тем моё овладение магией шло семимильными шагами. Прошёл месяц, и теперь я могла не маленькую искорку создать, а столб пламени как из огнемёта. Видела, что Блэзиус доволен, но разве ж он покажет это... Он не изменяет себе, хотя ко мне немного отношение изменил, перестал называть бесполезной тупицей. И то радуется.

Но меня тревожили не уроки магии, а размышления о будущем: не хочу превратиться в одну из местных клуш. Точно, а я так долго думала, какое слово подобрать. Не хочу ближайшую тысячу лет говорить только о причёсках, менять фаворитов и плести интриги.

Книга по современной истории, которую мне любезно прислал Альфиос, была до безобразия тонкой, не более ста страниц. Это за пять тысяч лет! После смерти Немировича единственным достижением являлось то, что империя не развалилась. Интересным было, по мнению составителя, количество фавориток у того или иного правителя, пироги, которые готовила одна из императриц, количество украшений у той или иной дамы. Ни тебе изобретений, ни театральных постановок или романов, ни величественных построек или подвигов – только мелочное, приземлённое. И мне предстоит здесь жить? Да, на Земле тоже не всё гладко, не каждого можно назвать прогрессивным, но есть некая часть общества, которая определяет вектор движения, а массы подтягиваются. Опять же искусство: самовыражение для землянина первостепенно. А здесь вкладывают силы в то, чем гордиться должно быть стыдно. Неужели повторят судьбу Древнего Рима из нашей реальности? Но там хотя бы искусство процветало...

Я училась магии и становилась всё более задумчивой. От тяжёлых мыслей отвлекли ненадолго страдания Галлы. Я сразу заметила, что с появлением Блэзиуса Корнелия в нашем доме мою кухарку – обаятельную пышнотелую Галлу, словно подменили. Каждый день она старалась удивить новыми блюдами. Я нарадоваться на неё не могла, пока случайно вечером не увидела, как она рыдает в дальнем уголке сада. Пришлось принести из подвала бутылочку старого вина, усадить её в беседке, применить успокоительное, а затем развести на «посекретничать». Влюбилась моя Галла, и влюбилась в этого высокомерного старикана Блэзиуса. И не дай боги сказать, что он страшный и старый – защищает похлеще курицы-наседки своего цыплёнка от коршуна. Ага, рядом с Галлой он и будет смотреться цыплёнком. Для него старается, готовит, а он не замечает, даже не смотрит в её сторону. Проговорили мы до самой ночи. Она всё сокрушалась, что крестьянка, что ни одеваться как следует, ни причёсываться, ни танцевать и ни беседы вести не умеет. Пришлось помогать. Вызвали на следующий день белошвейку, заказали платья. Проблема в том, что мода здешняя на полных не рассчитана, крестьянские платья-балахоны делают даже просто аппетитных необъёмными. Нужен другой крой. Швее долго объясняла, как нужно, но своего добились. Теперь в платье подходящего фасона и цвета, с аккуратной причёской Галла стала выглядеть моложе, а главное, заметно стройнее. Не прошло и недели, как я увидела парочку воркующими в саду. Что ж, люди, то есть драконоиды взрослые – дальше сами.

Ещё я как-то незаметно прикипела к своему Буцефалу. Вначале носила ему лакомства по привычке, а потом поняла, что нравится мне искренняя привязанность животного. На его морде буквально читалась радость, когда я появлялась. Вскоре решилась и оседлать цмока, чему тот был ещё больше рад. Мы выезжали за ворота имения, носились по лесным дорогам. Оказалось, ездить верхом на цмоке гораздо удобнее, чем на лошади (был у меня такой опыт в прошлой жизни – Олег как-то подарил путешествие верхом по Алтаю). Нет тряски, не надо приспособливаться к рыси коня, потому что цмок ступает лапами мягко, его выступающие предплечья работают как амортизаторы. И не воняешь после конским потом на всю округу. Из минусов – нет гривы, за которую удобно держаться, и гладкая, очень скользкая кожа. Про-

гулки нам обоим нравились. И на территории имения он взял в привычку ходить за мной, как собачка. Крестьяне умилялись, наблюдая за нашей парочкой. Только Блэзиус ненавидел моего питомца, причём без видимых на то причин. Хотя нет, причина была – это моё животное, а всё, что связано со мной, вызывало у него чуть ли не припадки. Я же видела, что он мог даже с плебеями нормально общаться, но я другое дело.

После обучения и завтрака я занимала привычку сидеть в любимой беседке, читать, пить горячий взвар – напиток из перетёртых плодов и почек местного кустарника, похожего на барбарис, но с более терпким вкусом и запахом карамели.

В это утро всё было как обычно: я с книгой сидела в плетёном кресле, а Буцефал гонялся за мелкими перепончатокрылыми созданиями чуть больше бабочек. Птички, назовём их так, весело курлыкая, перелетали с одного растения на другое, но не улетали, словно дразня моего питомца, а тот метался между кустами, так и не решив, за какой мелкой дразнилкой будет охотиться в первую очередь. Плавню ступая по дорожке, выложенной камнем, с подносом появилась Галла. В последние дни она светилась от счастья, порхала, словно эти маленькие птички, но сегодня что-то явно было не так: вроде бы улыбалась, была приветлива как всегда, но в глазах затаилась какая-то тревога. Она расставила на столике чашки и блюда для моего чаепития, выложила свежее печенье, а когда наливала взвар, её рука дрогнула, и напиток плеснулся через край. Карамельный аромат разлился в воздухе. Ну не ругать же её за пролитую каплю:

– Даже не думай расстраиваться: пролитая капля – такой пустяк. Ты хорошо себя чувствуешь? Иди в дом, я и сама здесь справлюсь, – поспешила я успокоить помощницу.

Галла лишь головой кивнула, но при этом побледнела. А я в предвкушении наслаждения взяла чашку и поднесла её к губам. Я даже не успела понять, что произошло дальше: вот спокойно сижу в кресле, держу около губ чашку, а в следующий миг уже лечу, направляемая мощной лапой цмока в сторону, а сам он с зажатыми в пасти осколками чашки – в другую.

Кресло в щепки, столик перевернут, Буцефал катается по траве, а его морда местами словно обгорела. Из дома несутся Мирт и Лелия, а Галла стоит на коленях и трясётся. Что происходит? Я вскочила, бросилась к Буцефалу, но бедное животное было в агонии. Из моего горла вырвался дикий крик:

– Нет... Буцик!..

Я обнимала его, а слёзы лились градом. Лишь бы он выжил – никаких других мыслей в голове не было. Я бормотала какие-то глупости:

– Я обещаю каждый день кормить тебя рыбой, которую ты так любишь, чесать под челюстью, даже разрешу забираться в мою комнату, только не умирай... Пожалуйста... Буцик, миленький.

Цмок перестал биться и лишь тяжело вздыхал. В отчаянии я обхватила его голову руками и запела, как иногда на Земле, входя в транс на занятиях йогой: «ОМ ТАРЕ ТУТТАРЕ ТУРЕ МАМА АЮ ПУНЬЕ ДЖНЯНА ПУШТИМ КУРУ СОХА».

Больше ничего в таком состоянии я придумать не могла. Занятия йогой на Земле дарили мне не только внутреннюю гармонию, спокойствие, но и учили верить в чудо. Знакомые слова мантры давали хоть какую-то надежду. Повторяла их снова и снова и гладила уже ставшую мне родной морду. Никто не смел меня прерывать. Я настолько погрузилась в переживания, что не заметила, как руки мои стали испускать голубоватый прозрачный свет, интенсивность которого понемногу возрастала, пока этот самый свет не окутал всю голову бедного животного. Моё сознание тоже стало уплывать. Чьи-то сильные руки подхватили меня.

Глава 10

Пришла в себя я поздней ночью в своей комнате. Свет одинокого светлячка чуть рассеивал тьму, позволял видеть очертания. Слабость была разлита во всём теле. Я попробовала

перевернуться – получилось с трудом. Очень хотелось пить, и желательно чего-нибудь сильно сладкого. Рядом в кресле дремала Лелия, но будить её не хотелось.

И тут события, предшествовавшие обмороку, накрыли меня. Буцефал. Бедненький мой. Он же спас меня. Меня хотели отравить... И кто? Женщина, которую я приняла как родную. Грёбаный мир. И здесь пытаются убить... Да сколько ж можно... Мне и одного раза хватило. Попыталась встать, но была поймана Лелией:

– Лежите, леди Астрея, вам нужно набираться сил. Вы ж весь резерв потратили.

– Буцефал....

– И не думайте. Всё в порядке с вашим питомцем. Вы в него столько сил влили, что и десятерых оживить можно было бы. Проспал пару часов, а теперь под вашими окнами сидит.

– Можешь принести что-нибудь сладкое попить? И есть хочу.

– Сейчас-сейчас... И правда, что это я. Только я готовлю не так вкусно, как Галла.

– За что она так со мной? Я ж ей помогла? – искренне недоумевала я. – Правду говорят: не делай добра – не получишь зла.

Лелия тяжело вздохнула и отправилась за едой и питьём. После, пока я утоляла голод, она рассказывала, что происходило в имении.

– Дура она. До четырехсот пятидесяти лет дожила, а ума не нажила. Любовь себе придумала. Сама не просто из плебеев – дед её, хороший строитель, из вольноотпущенных, а на патриция замахнулась. Да нужна она ему?! Да и вообще, ему в его девятьсот тридцать женщины вообще не нужны – если только посмотреть. Может, хотела получше устроиться? Хотя вряд ли... Уговорил её Блэзиус вам настойку пустоцветной кахелии подлить, якобы для магического развития. Уверил, что ни в коем случае не должны заподозрить ничего, иначе не получится. Только вместо пустоцветной кахелии дал сок белокрылки ночной – страшный яд, который мучительно убивает, выжигает изнутри. Вот вашему Буцефалу не внутрь, а только на морду попало, и то он бы сдох, если бы вы лекарскую магию не применили. Вам бы и одного глотка взвара хватило. Умный у вас цмок: за несколько метров почувствовал яд и бросился спасать хозяйку.

– Где Галла? – задала я вопрос девушке.

– Знамо где: приехал староста, забрал её и отвёз в город, сдал в когарту вигилов (подразделение, выполняющее роль пожарных и полиции). За покушение на представителя рода патрициев, да ещё члена императорской семьи, даже учитывая то, что она не знала, что это яд, – пожизненное рабство. Дорого ж ей любовь обошлась.

Я испытывала смешанные чувства. Была зла на Галлу за то, что та лишилась разума, поддавшись любовным чарам. Но ведь и сама была в подобной ситуации. Не увидь своими глазами измену Олега, так бы и летала в облаках, и, может быть, пошла бы ради него на что-то более страшное, чем моя кухарка. Не бывает взаимных искренних чувств, всё обман, который позволяет манипулировать влюблённым. Один любит, а второй пользуется. Расплата наступает неминуемо. Лучше изначально подходить к браку с позиций делового сотрудничества, как мои родители. Естественно, всё это я Лелии не высказала, но поинтересовалась:

– И что теперь с ней будет?

– Завтра суд состоится, потом её на аукцион как рабыню выставят.

– То есть я могу её купить? Соглашусь, что она дура, но и оставить в такой ситуации тоже не смогу.

– Так вы можете её и до суда забрать, имеете преимущество перед другими покупателями. Только зачем вам это надо?

– Жалко её. Думаю, что и сама она уже сто раз раскаялась.

– Можно я вас обниму? И не надеялась на вашу милость. На самом деле она хорошая, а произошедшее ей хорошим уроком на всю жизнь будет. Теперь я понимаю, почему в импера-

торском дворце вы не прижились – не любят там честных и добрых. Тогда я побегу, отправлю Мирта к старосте, пусть тот забирает нашу горемычную влюблённую?

– Конечно, иди. Да, а старый подлец Блэзиус где? – что-то я забыла об этом иуде.

– В своей комнате. Как ни в чём не бывало требует ванны и обеды с ужинами. Ему-то не о чем волноваться: показания плебеев против патрициев суд не принимает.

Ну, Немирович, ну, удружил. Не мог более адекватно законы прописать, а теперь я разбираюсь с этим. Ладно, суда учитель избежал, но есть ещё и я.

Разговоры утомили меня, и я уснула, крепко, без сновидений. Видимо, моему организму нужен был отдых. И наутро чувствовала себя сносно, даже пошла на занятие. У крыльца меня ждал мой спаситель. Цмок нетерпеливо топтался, нервничал, но, увидев меня живой и здоровой, радостно заклекотал, вытянув шею, толкнул меня облезлой мордой, а я чуть не расплакалась от счастья.

Блэзиус встретил меня претензиями:

– Что ты себе позволяешь? Где мой нормальный завтрак, соответствующий моему статусу? Почему я вынужден жевать переваренную кашу?

Я посмотрела на него сквозь прищур, решая какую часть тела у него можно считать лишней. Теперь в нашей игре правил нет.

– Что вы, уважаемый учитель, такое говорите? Завтрак вам подали в соответствии с последними исследованиями в сфере правильного питания: сообразно статусу, возрасту и состоянию организма. Простите, но с вашими вставными зубами не рекомендовала бы вам что-то твёрдое. Может случиться несварение, повышенное желчеотделение, и будете впадать в ярость. Желчь в организме до добра не доводит. Вот сейчас вы уже злитесь, а это плохой признак. Так что, только каши. И поверьте, всё ради заботы о вас, милейший.

От моей отповеди он, кажется, потерял дар речи, а я продолжила:

– Давайте уже начнём занятие, не будем тратить ваше драгоценное время – его у вас и так немного осталось. Что сегодня будем учить?

– Откуда у тебя лекарская магия? Я лично проверял тебя перед свадьбой на способности, и, кроме крохотных искр, в тебе не было ничего.

– О чём вы, уважаемый Блэзиус? Какая такая лекарская магия? Никогда во мне её не было и нет.

– Ты лечила свою зверушку, прислуга шепчется.

– И вы, высокородный патриций, верите сплетням прислуги? Мой питомец мордой в жгучий кустарник влетел, а я его успокаивала, гладила. И всё. А чем там слуги дополнили рассказ о происшествии, знать не могу. Плебеи они такие, им бы сказки только сочинять. Вернёмся к занятиям.

Дальше всё пошло по плану, по моему плану. Выполняя одно из упражнений, я создала во внешнем круге хороших размеров огненный шар и, к несчастью, не удержала, по неопытности, конечно. Совершенно опять же случайно он отлетел в сторону Блэзиуса и растёкся по его причёске – предмету его гордости. Как же долго я извинялась, что теперь длина его волос не превышает сантиметра, а местами виднеются проплешины. Но ведь я только учусь и не всегда могу совладать со стихией. У каждого ученика бывают неудачные дни.

Естественно, занятие прервали. Как я дотерпела до своей комнаты, не знаю, но только за мной закрылась дверь, только я представила дымящуюся, с оплавленными кусками чего-то синего голову негодяя, как ничто уже не могло заставить меня перестать смеяться. Без своей гривы он ещё больше стал напоминать птичку, ощипанную птичку. Слуги при виде преобразённого Блэзиуса прикрывали рукой рот или отворачивались, не решаясь открыто смеяться. Даже его личный слуга каждый час прибегал на кухню попить водички, ну и отсмеяться, конечно.

На следующее утро Блэзиус гордой походкой прошествовал к своей карете, заявив, что не желает ни минуты оставаться там, где не уважают заслуги и возраст. Не хотелось отпускать его без ответа на важный вопрос: по чьей же указке меня хотели лишить жизни? Претендентов уже трое: муженёк, его любовница и сам Блэзиус, поэтому тихонько, когда как радушная хозяйка провожала его до кареты, спросила:

– Разве стоила ваша бездарная попытка убить меня ваших прекрасных волос? И что скажете заказчику? Деньги ж вернуть придётся.

Он обернулся и посмотрел, кажется, с испугом:

– Да, недооценила она тебя.

Всё-таки Фульвия. Чем же она заинтересовала или запугала его? Подождём: всё тайное рано или поздно становится явным.

Глава 11

– Ну что, прошла любовь или всё ещё готова и горы свернуть, и на преступление пойти ради сморчка престарелого?

– Правы вы во всём. Не было, оказалось, никакой любви с его стороны. Как произошло всё, я к нему побежала правды добиваться, а он посмеялся, сказал, что кухарка нужна только чтобы котлы чистить да развлекать за неимением лучших вариантов иногда. А ещё, что не давал никаких снадобий, ни о чём не просил, что я сама выдумала и его обогала, – и опять завывала.

– Прекрати истерику. Что сделано, того не воротишь. Лучше расскажи, чего этот престарелый ловелас понаобещал тебе, что ты на всё согласилась?

– Обещал жениться, с собой забрать.

– Да что ж мы, бабы, такие доверчивые?! Когда ж уже думать головой начнём?! – других слов у меня не нашлось.

– Лелия тоже стояла с мокрыми от слёз глазами, а Мирт что-то шептал ей на ухо, утешал. Староста голову опустил.

– Ладно, поплакали – и хватит. Жизнь-то продолжается. Придётся тебе, Галла, побыть пока в статусе рабыни – закон предписывает освобождать за подобные преступления не раньше, чем через десять лет. Выполнять будешь прежние обязанности, жить в той же комнате, но ошейник рабский снимать нельзя. Сама порядки знаешь.

Кажется, она не этого ожидала, нафантазировала себе, небось, что на цепь посажу, избивать палками и измываться стану, злость вымещать начну, потому смотрела неверяще на всех, глазами хлопала.

– Но смотри, теперь жизнью отвечаешь за то, что мне в еду попадает. Умру я от приготовленного или принесённого тобой – умрёшь и ты.

Как только я проговорила эти слова, в ясном небе сверкнула молния и пылевой вихрь пронёсся между нами. Староста оторопел, теперь и он смотрел как-то странно на меня.

– Что вы все замерли? Что произошло? Вы не забываете, что я не помню ничего, – пыталась добиться я от них объяснений.

Староста отмер:

– Боги вновь с нами, – и тоже упал на колени, а вместе с ним и все присутствующие. – Знак дали, что услышали вас и исполнят всё. Леди, вы своей справедливостью, своим милосердием вернули нам богов. Много лет назад они отвернулись от нас, когда Цезарь Великий приказал разрушить храмы (и правда, я ни одного не видела) и перестать молиться. Он убеждал, что только необразованные, невежественные разумные могут верить в подобную ересь. Патриции первыми назвали себя равными богам, а потом и плебеи за ними повторили. Конечно, кое-кто не отрёкся, втайне молился, но боги и к ним перестали являться, перестали помогать. Тяжело

стало жить. Магия магией, а помощь свыше – это другое. Теперь вот они вернулись, – и стал бить земные поклоны.

Надо бы найти информацию о местных богах. Немирович, конечно, наворотил дел. В книгах точно ничего не найду. Значит, будем старосту пытаться. Подождала, пока его слегка отпустит, пока он завершит молитву, и только тогда спросила:

– Уважаемый Келсий, поймите, мне больше не к кому обратиться. Если уж боги заметили меня, то и я должна о них знать, но ни в одной из рукописей Цезаря Великого я не нашла даже упоминаний о богах. А вы человек сведущий в этом, знаете много. Может, найдёте время для меня? Обещаю быть прилежной слушательницей. Сегодня, сами видите, у нас всё кувырком, а вот завтра Галла в себя придёт, ужин вкусный приготовит, а мы с вами сядем, потрапезничаем и поговорим по порядку.

Староста спокойно подумал, бороду огладил и согласился.

– Отчего ж не рассказать... Только позвольте ещё одного человека пригласить, он более моего знает, долгую жизнь прожил.

– Выслушаю с удовольствием вас обоих.

На том и порешили.

Глава 12

В имении вновь воцарился мир и покой. Вечер я провела в любимой беседке, которую мужики уже восстановили. Пила взвар и думала. Вот как получается. Появился здесь Немирович, из добрых побуждений попытался местные порядки изменить. И что из этого вышло? Ералаш вышел. Нельзя приходить в чужой монастырь со своим уставом, нельзя устраивать чужую жизнь по своему разумению. У каждого свой путь. И у человека, и у целого народа. Вмешиваясь, насаждая чуждое им, их лишают этого самого своего пути. Осип Александрович мыслил по-своему, переделывая под себя Саури, но это не Древний Рим, не люди. Драконоиды жили тысячи лет до него, хорошо или плохо, но жили, не вымерли, не уничтожили друг друга, а он пришёл и поменял им реальность, насильно перебросив их через несколько эпох. Это то же самое, что взять десятилетнего ребёнка и отправить его во взрослую жизнь без подготовки, без обучения, без опыта, возложить на него всю ответственность, свойственную, скажем, двадцатипятилетним, и ждать, что он будет этому рад, что будет счастлив. Не получится. Ребёнок делать будет всё по-детски, коряво, неумело, бросаться на любую блестящую обёртку, а не пытаться понять суть вещей. Драконоиды получили всё на блюде, но сами ничему не научились и теперь застряли в подвешенном состоянии: прошлое уничтожили и забыли, а будущее не умеют без Немировича строить, вот и бултыхаются, копошатся в мелочном быте, не смотря в завтрашний день, принимают суету и праздность за важное.

Такие мысли ещё долго не покидали меня. Я сидела с чашкой остывшего взвара, а мой цмок лежал рядом, положив свою огромную голову на скамейку рядом. И никто не посмел побеспокоить нас.

Следующее утро я начала с самостоятельной тренировки – не стоит останавливаться в начале пути. С медитациями я была знакома и в прошлой жизни, с того времени, как увлеклась йогой. Почему бы не применить её в магии? Расстелила одеяло на лужайке и погрузилась в себя, чтобы услышать спокойствие, разобрать свои мысли и эмоции без спешки, без осуждения или самолюбования. Получилось немного, но и это результат.

К ужину, как и договаривались, пожаловал староста Келсий в сопровождении весьма занимательного старичка – Лукиана. Довольно высокий, сухопарый, со впалыми щеками, он напомнил мне лик святого со старых земных фресок. Те же длинные седые волосы, забранные в небрежный хвост, та же белоснежная борода и густые брови, тонкая кожа, испещрённая сеточкой морщин. Всё говорило о старости и мудрости. Только глаза, молодые, задорные, смотрелись неуместно на этом иконописном лице. Не было в них умиротворения, лишь любопытство

и азарт. Он разглядывал меня не стесняясь, не боясь обидеть своим пристальным вниманием. И меня это ничуть не смущало. Мне тоже он был интересен. Пока мы разглядывали друг друга, Келсий стоял, переминаясь с ноги на ногу, но прервать не решался, ждал, в отличие от Буцефала, который налетел на меня, выпрашивая ласку. Обычно чужих он обходил стороной, но к Лукиану потянулся сам, лизнул старчески сморщенную руку, за что его в ответ погладили. Я отправила питомца гулять, а гостей пригласила в беседку, где уже накрыли к ужину.

Лукиан первым начал разговор, когда с основным блюдом было покончено:

– Что, странница, непривычно тебе у нас? – хитро прищурившись, произнёс он.

– Непривычно. Особенно когда хозяева встречают то с мечом, то с ядом, – парировала я.

– Так то не настоящие хозяева, настоящие ждут не дождутся. Те, которые тебя угощали, их младшие неразумные братья, блудные дети, потерявшиеся в тумане. Вот повзрослеют, ума наберутся, тогда и с них толк будет.

– Что ж настоящие прячутся (заинтриговал, однако)?

– У каждого свой путь. Сама к ним придёшь. Как раз к тому времени все дары, которыми тебя Царица Тьма наградила, рассмотришь.

– Тяжёлый мне путь предстоит. Вот кабы проводник нашёлся, я бы благодарна была.

– Чего ж не проводить хорошего человека?! Кто к нам с добром, того и мы приветчаем.

А ты молодец, за словом в карман не лезешь, не боишься и не заискиваешь, вот поэтому и боги тебе благоволят, – он говорил спокойно, каждому слову придавая вес. Впервые на Саури я встретила драконоида, в котором чувствовалась такая мощь, но не пугающая и подавляющая, как у лорда Гордиана, а мягкая, дарящая спокойствие и защиту.

Дальше мы перешли с языка иносказательного на более понятный, и староста отмер, а то сидел, только глаза переводил с меня на старца и обратно. Мы-то понимали, о чём речь, а он вряд ли.

Меня многое интересовало, но Лукиан наотрез отказался говорить о тех, кого он назвал настоящими хозяевами Саури. Уверял, что не время ещё, зато про богов рассказывал красочно и со вкусом.

– Миров во Вселенной многие тысячи, – начал свою повествование Лукиан, – и каждый уникален, каждый плод фантазии Высшего Существа – малочисленной, по нашим меркам, расы, самой древней, самой могущественной. Кто создал их – неизвестно. Живут они практически вечно – в центре Вселенной есть таинственный город. Не планета, а именно город среди бесконечного Космоса. Они управляют временем и событиями, создают миры и следят за порядком в них, даруют по своему усмотрению благоденствие или страдания. Присматривать за своими созданиями – это их работа. Высшие, как и все мы, живые: любят и ненавидят, радуются и печалются, воспитывают детей, даже воюют. У каждого свой характер, потому и миры, ими опекаемые, тоже разные.

Наш мир создан могущественным драконом Драко, имеющим две ипостаси – звериную и человеческую. Драко – великий маг и чародей, повелевающий всеми стихиями. Его жена – Царица Тьма, во всём помогает мужу, как и их дети: старшая дочь Маоли следит за землёй, чтобы она была плодородна, чтобы дарила уголь, железо, золото драконоидам, вторая дочь Висна отвечает за воду, питающую всё живое, Арост – сын, каждый день облетает мир и охраняет его с высоты, а ветер порождается взмахами его могучих крыльев, а младший Огнь ещё мал, любит играть, потому и пламя его не всегда слушается, проказничает.

Всё шло согласно плану Драко: драконоиды, получив разум от создателя, постепенно развивались, учились владеть магией. Могущественный дракон понимал, что нельзя построить идеальный мир в мгновение ока, вернее, можно, но тогда это будут куклы, а не имеющие свою волю разумные. Важно учиться на своих ошибках, делать выводы, а не просто следовать подсказкам. Он не оставлял их ни днём ни ночью: помогал достойным, защищал слабых, одаривал нуждающихся, но в целом давал выбор, позволял самим строить свою судьбу. Храмы Драко

никогда не пустовали, алтари были полны – это лучшее доказательство того, что разумные любят своего Бога, доверяют ему.

Всё шло своим чередом, пока на Саури не появилась душа-странница, случайно вырвавшаяся из сетей Царицы Тьмы. Душа из развитого, но бестолкового мира, о котором его создатель вспоминал лишь изредка. Не ожидал Драко, что одна душа может изменить ход событий, а, когда спохватился, было поздно: на крупнейшем материке все храмы уже разрушили, алтари разорили, простые драконоиды кричали, что боги – это выдумка, способ влиять на непослушных, что они сами равны богам, раз обладают магией. Отвернулись дети от отца. Драко смотрел на них с высоты разочарованно, но признал очевидное: целую тысячу лет, пока у руля находилась душа-странница, они не стояли на месте, развивались. И Драко решил, что больше им не нужен, оставил своевольничать, обратив своё внимание на другую часть, ту, где события шли так, как запланировано им.

Так прошло несколько тысяч лет для нас, а для богов – несколько мгновений. Могущественный дракон решил проверить, как там блудные дети, и ужаснулся: без его контроля, без указок почившего Цезаря – так называла себя пришедшая душа, драконоиды превратились в скопище прожигателей жизни. Они поклонялись лишь праздности и лени, что считали высшим достижением своей никчёмной жизни. Те, кто работал на земле, ещё держались, даже Драко иногда вспоминали, а знать полностью погрязла в пороках и теперь напоминала карикатуру на своих славных предков. Расстроился Драко, погрузился в пучину печали, и никто не мог дать ему толкового совета. Большинство Высших предлагали уничтожить всех и начать заново. Но как можно уничтожить своих детей?! И тогда в голову Царицы Тьмы пришла мысль: подобное лечится подобным, нужно призвать более сильную душу, способную исправить ошибки. Первые две попытки оказались провальными. Хотели уже всё прекратить, как появилась ещё одна, решительная, целеустремлённая, чистая, нетерпимая к подлости и несправедливости, правда, разочарованная.

Лукиан замолчал, задумавшись о чём-то своём. А я спросила:

– Что было дальше?

– А дальше история ещё пишется. Поживём – увидим, – получила я туманный ответ.

– И где же эту душу искать? – продолжала я пытаться старца.

– Откуда же мне знать? Я, простой смертный, не посвящён в божественные замыслы.

Хоть люди и зовут меня провидцем, но я озвучиваю лишь то, что говорят мне боги.

– Может, Драко и Царица Тьма обмолвились, какой путь мне уготовили?

– А ты должна снова поверить в то, что любовь существует. У каждого в этом мире есть пара, иначе бы ты здесь не оказалась. Это не просто подходящий драконоид, а продолжение тебя самой, это тот, кто будет любить тебя вечно, а ты его. Так захотел когда-то Драко, ведь у него с женой именно такой брак. Он посчитал, что будет нечестно, если разумные в его мире лишатся подобного счастья. Вот только в империи Рим об этом забыли, поднимали на смех тех, кто говорил о поиске своей пары.

За разговором я не заметила, как наступила ночь. Келсий и Лукиан засобирались в дорогу, а я осталась в беседке, раздумывая над словами старика. Всё, что он говорил, звучало как сказка, старая сказка на ночь, только после этой не заснуть. Я раскладывала по полочкам всё, что узнала, сортировала, словно бельё в прачечной. Верны оказались мои предположения о ненормальности мира, о проблемах. Объяснить теперь могу, но легче от этого точно не стало.

Ночью вышла на крышу. Было о чём подумать. В прежней жизни Бог представлялся кем-то далёким, как Дед Мороз из сказок, тем, кому дела нет до страданий обычного человека. Казалось, люди сами его выдумали, чтобы держать в узде свои страсти. А здесь Драко – реальное существо, могущественное, древнее. Он слышит, он видит, он отвечает.

И кто та душа, которая способна изменить империю? Ещё одна загадка. Мне это точно не по силам, самой бы кто помог. И никакой пары с любовью до гроба мне тоже не нужно, потому что любовь приносит лишь страдания, а я не хочу больше страдать.

Я просто сидела и смотрела в небо, на то, как тучи проплывают мимо луны, которую здесь называют Летой: они то закрывают её полностью, и тогда сквозь перламутровое кружево льётся призрачный серебристый свет, то открывают один край, чтобы она посмотрела на мир голубым оком – да Лета светится голубым, а вот второй спутник – Гойя, фиолетовым. Раз в два месяца они встречаются и целую ночь проводят рядом. Тогда ночь светлая, почти как в июне в Питере, где я любила бывать.

Оказывается, не всегда так просто. Что ж, будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас главное – получить развод.

Глава 13

Утро выдалось дождливым, навевающим тоску. Я и на Земле не любила такую погоду, но там помогали справляться родители: папа разжигал камин, а мама устраивала пикник посреди гостиной. Мы сидели на полу на расстеленных пледах, грелись у живого огня и пили какао с зефирками. Мама пододвигалась ко мне ближе, обнимала со спины, и мы все вместе смотрели какую-нибудь дурацкую комедию. И грусть улетучивалась. А здесь нет ни родителей, ни камина, ни дурацких комедий, поэтому я бродила по дому словно привидение. Остановилась в музыкальном зале. Кто б сомневался, Немирович, конечно же, кое-что из нашего мира адаптировал к здешним реалиям. Гитару можно было признать по плавному изгибу и неизменным семи струнам. Дома мне пришлось закончить музыкальную школу, иначе родители грозились лишить занятий латынью. Способности были неплохими, голос насыщенным, с красивым тембром, но скучно. Нет, не разучивать гаммы и нотную грамоту – там была, по крайней мере, упорядоченность, строгость. Скучно было изображать эмоции, распевая о каких-нибудь котятках, облачках или бантиках. Хотелось серьёзного – не разрешали. Зато в компаниях отрывалась. Я любила старый добрый русский рок, перепевала Бутусова, Кинчева, Цоя. Бардов обожала. Как давно это было... В прямом смысле в прошлой жизни... Руки привычно легли на струны и слова сами полились:

В этом мире властвует дождь,
Давит аспидной серостью туч.
Превращает земную твердь
В хаос мерзких бесчисленных луж.

Опускается влажная хмарь,
Погружает в бесцветье сердца.
В наших душах вечный ноябрь,
Вместо жизни – покой мертвеца.

Просто боги устали ждать
Покаянья беспутных детей.
И разверзлись теперь небеса,
Повергая устои вождей.

Смоют ливни всю грязь веков,
Выжгут молнии мерзость мыслей.
Я приветствую волю богов!

Я мечтаю, чтоб стало чище!

Слова сами рождались в моей голове. С каждым произнесённым звуком становилось легче, душа оживала. На последней фразе меня вывел из забытья гулкий раскат грома. Я оглянулась – в дверях стояли, замерев, все мои помощники. Галла, широко раскрыв глаза и практически не моргая, уставилась на меня, а потом упала на колени и поползла вперёд. Она протягивала ко мне дрожащие руки и шептала сквозь рыдания:

– Леди Астрей, да я ж вас чуть не убила... Нет мне прощения. Вас же боги слышат, отвечают вам. А я... Любви дура старая захотела. Боги меня б наказали... Как мне вымолить прощение?! Я теперь вам до гроба служить буду, и не потому, что рабыня ваша, а потому, что сама так решила.

Слова женщины шли от самого её сердца, она искренне раскаивалась в содеянном и недоумевала, как могла повестись на лживые обещания. И тем горше ей становилось, чем яснее она осознавала тяжесть своего проступка. Как я могла остаться глухой к такому проявлению чувств?! Сама опустила рядом с ней:

– И ты меня прости! Надо было запретить тебе даже смотреть на этого сморчка, отправить тебя в деревню... А я... Думала, что этот гнилой старикашка ещё имеет что-то святое в душе, думала, что любовь меняет людей.

Мы стояли на коленях друг перед дружкой на коленях посреди музыкального зала и ревели как две дуры.

– А у тебя на кухне есть что-нибудь сладенькое? – спросила я, сделав умоляющую рожицу, – надо душевное равновесие восстановить, а сладкое при этом – лучшее лекарство. Организуешь?

– Да это вы сладкого захотели, потому что магичили, – вступила в разговор Лелия, стоявшая до этого момента в объятиях своего мужа и обливавшая слезами его рубашку.

– Не магичила, пела просто, – поправила я её.

– Как же не магичили? Любая песня – волшебство. А тут такие волны шли, что мы из флигеля прибежали, – поддержал жену Мирт. – Посмотрите в окно, и сами всё поймёте.

– Я подошла к окну: дождь из сеющего, мелкого, противного, превратился в проливной. Его косые струи молотили по всем поверхностям: потоками стекали со стёкол, целым водопадом – со стоков с крыши, ручьи бежали по всем дорожкам, унося сорванные им листья и случайный мусор. Редкие острые молнии изредка разрезали небо, предвеляя гулкие раскаты грома. И не было больше в природе мучений и надрыва, словно ливень, действительно, смывал печали и заботы. Небо из свинцово-серого стало жемчужно-серым, поднялось и больше не давило своей тяжестью, выплеснувшись на несчастную землю.

– Такого дождя я не припомню, тем более с грозой. Бабушка в детстве мне рассказывала, что когда-то, ещё до её рождения, такой ливень называли благословением Висны, дочери Драко. Ей понравилась твоя песня – мы-то таких не поём, не дано, – проговорил Мирт.

Дождь закончился через час, уступив место зеленоватой ясности, а мы вчетвером сидели на уютной кухне, пили взвар, ели засахаренные фрукты около ярко пылавшей печки. Мне было тепло и спокойно в этом доме, с этими драконоидами.

Наутро всё блистало свежестью. Деревья наперебой хвастались первозданной чистотой, словно только ночью получили в подарок молодую листву, трава, кажется выросла вдвое выше прежнего, и теперь Мирт строил планы, как с ней расправиться. Те самые птички-невелички, которые так любили донимать Буцефала, устроили показательный концерт и лётные испытания, а сам питомец гордо сопровождал меня в прогулке по саду, вертя во все стороны всё ещё облезлой головой. Я наслаждалась покоем, пока не раздался звук колокола.

Буцефал восторженно, будто спрашивая: мне покусать тех, кто испоганил такое прекрасное утро? Я успокоила его ласковым поглаживанием по морде и направилась к крыльцу – моему излюбленному месту встречи гостей. Может, ещё и проём двери сделать ниже, чем средний рост разумного в этом мире? Пусть, входя, кланяются. Ладно, признаю, это уже перебор.

Раби ракт Брутус, вот кого точно не ожидала увидеть. Изобразила на лице меланхолические страдания – всё-таки жена его начальника в изгнании, которому он докладывает каждую мелочь. Мужчина спешил со своего цмока, браво, по-армейски прошагал к крыльцу и вручил мне пакет, тут же поинтересовавшись, потребуется ли мне помощь в прочтении. Что ж, не будем разочаровывать:

– Будьте любезны, я сегодня не в настроении читать. Боюсь, что от этого заболит голова.

Лелия, по-моему, поперхнулась от смеха, потому что убежала на кухню, а Мирт показал выдержку.

Брутус, самодовольно задрал выдающихся размеров нос, картинно приосанился, открывая письмо. Небольшой листок бумаги, исписанный буквально на четверть казался насмешкой над огромным конвертом с фамильными гербами. Я нацепила на лицо выражение ужаса:

– У моего мужа настолько плохо дела? – прошептала я многозначительно.

Бравый солдат не понял издёвки и принялся уверять, что всё в порядке, что волноваться не о чем.

– Тогда почему бумага для письма такая маленькая?

– Поверьте, леди Астрея, лист не обязательно должен быть огромным. Обычно берут такой, чтобы вместились послание.

– Тогда читайте быстрее, не отвлекайтесь, – милостиво разрешила я.

Раби ракт прочистил горло и громко, словно глашатай начал читать:

– Леди Астрея, по повелению императора, им рекса Аврелия Викториуса вам предписывается прибыть в столицу империи Рим к 1 августа сего года на императорский бал в честь обретения огня наследником императорского престола принцем Галлусом.

От вашего мужа, лорда Гордиана, приписка:

Через неделю прибудет конвой, чтобы доставить тебя в столицу, лучше, если будешь послушной и покладистой. Платье выберешь из тех, что у тебя в сундуках – не вижу смысла тратить свои средства на тебя. Постарайся наряд выдержать в золотисто-зелёных тонах. Перед балом выдам необходимые для дамы твоего круга украшения. И не думай, что тебе сойдёт с рук то, что ты изуродовала уважаемого всеми учителя. До императора донесли сей вопиющий факт.

Ничего нового я не услышала, и ехать в этот рассадник зла и порока мне не хотелось.

– Что будет, если я не поеду? Вам же, уважаемый раби ракт, оставили указания на сей счёт? – задала вопрос вояке.

Тот кивнул головой и продолжил чтение:

– Если бы ты не приехала, я был бы безмерно счастлив, потому как видеть тебя лишний раз нет желания, но это приказ императора – семейный праздник.

– Что ж, мне всё понятно, – и выхватила из рук сотника письмо, потому что тот уже хотел положить его в свою сумку.

Вот чует моё сердце, что не обо всём он упомянул. На Саури интриги и подковёрная возня – дело обыденное: подкупают, запугивают, шантажируют. И не видят в этом ничего плохого – привыкли. Брутус, оставшись с пустыми руками, заметно занервничал, но ничего не сказал. Попробовал бы.... К тому же я не предложила ему отдых и обед. Знаю, не по-человечески, но чем дольше шпион будет находиться в доме, тем больше муженёк будет знать, а я этого не хотела бы. Не развалится, в трёх часах езды по тракту находится трактир. К тому же поездку сюда я ему до сих пор не простила – трое суток просидела в тряской телеге, и ела там, и спала там. Это теперь я знаю, что через каждые двадцать километров построены трактиры с комна-

тами для проезжих, а тогда всё принимала за чистую монету. Оказывается, таким образом мне показывали моё место. Вот пусть теперь катится, а я отправлюсь перечитывать письмо.

Как и подозревала, прочёл он почти всё, подталкивая меня таким образом к определённым действиям. Мог вполне сослаться на то, что я прослушала или забыла, а письмо не стала оставлять себе. На самом деле письмо выглядело так: «Леди Астрея, император, им рекс Аврелий Викториус, приглашает меня и вас прибыть в столицу империи Рим к 1 августа сего года на императорский бал в честь обретения огня наследником императорского престола принцем Галлусом.

Через неделю я пришлю отряд, чтобы по пути в столицу не произошло неприятности, как в прошлый раз. Платье выберешь из тех, что у тебя в сундуках, или обратишься к местной белошвейке, так как в столице времени у тебя на это не хватит. Надевай любое, главное избегай золотого и зелёного – королевских цветов. Украшения хранятся в фамильном замке, поэтому получишь их здесь. И не думай, что все забудут тебе то, что произошло с императорским учителем. С ним случалось всякое, но волос он лишился всего второй раз за девятьсот тридцать лет. До императора дошли слухи об этом.

Будь готова выехать через десять дней».

Мне, конечно, на руку, что они думают, будто я неграмотная. Будет сюрприз.

Следующие десять дней прошли в непрестанных заботах. Я готовилась основательно, словно мне предстояли военные действия: перетряхивание сундуков, разговоры с белошвейкой, обдумывание планов и стратегии. И через положенное время я отправилась в путь.

Глава 15

В этот раз в дороге было куда веселее, чем в прошлый: я смотрела на мир широко открытыми глазами, осознавая, где нахожусь, всё замечала, за всем наблюдала. Большинство зверей и птиц имели явные признаки своих предков: чешуйчатую кожу, наросты на мордах и спинах. Парк Юрского периода, одним словом. А вот деревья в основном сохраняли свой привычный вид.

На пятый день пути показалась крепостная стена столицы, достаточно высокая, метров до пяти, сложенная из дикого камня, окружённая широким рвом, наполненным водой. Была середина дня, и опасности, видимо, никто не ждал, потому мост опущен и ворота открыты.

Раби ракт Брутус предъявил какую-то бумагу стражам, и нас пропустили без очереди и без досмотра – с остальными не церемонились.

Сама столица не произвела на меня впечатления. Довольно широкой была только центральная улица – продолжение дороги, по которой мы въехали, а от неё расходились во все стороны узенькие переулочки, где две повозки смогут с трудом разъехаться. Бедные кварталы напоминали фавеллы бразильского Рио-де-Жанейро: крошечные домики из любого подручного материала тесно лепились один к другому, словно ласточкины гнёзда. По улицам стайками бегали босоногие мальчишки, грязные, оборванные, а взрослые группами сидели за грубо сколоченными столами и играли во что-то очень похожее на домино. Людей много, и, судя по всему, такое времяпрепровождение было для них привычным. Разгар трудового дня, а здоровые лбы сидят и козла забивают. У них что здесь – безработица? Ну хотя бы навозом и помойкой не воняет. И то хорошо. Да, магия не панацея от всех бед.

Брутус всё время следил за моей реакцией. Похоже, прежняя Астрея как-то была связана с этим местом и он специально повёз меня этим путём.

Через полчаса пейзаж стал меняться на более симпатичный. Вначале появились ремесленные мастерские, а потом и более-менее капитальные дома, с садами, дворами, хозяевами, хлопчущими в них, но всё равно впечатление они производили неоднозначное.

До самого императорского дворца мы не доехали – свернули в район для патрициев. Здесь уже всё было в лучших традициях новых русских: позолоченные колонны, арки, лужайки и цветники. Я от души порадовалась, что дом Немировича – классический особняк.

В ворота одного из таких помпезных строений мы и заехали.

Мой Буцефал, почуяв родное стойло, в нетерпении крутил хвостом. Я отпустила питомца, а сама направилась к дому – встречать меня никто не вышел, а солдаты под командованием Брутуса распрягли цмоков, занесли сундуки в комнату, которая, видимо, должна стать моей, и были таковы. Но никто не озаботился моим обустройством. История повторяется.

Дом был пуст, благо без пыли и грязи. В пристройке нашёлся проспавший наше появление сторож – старый, еле передвигающий ноги дед, шурящийся на меня полуослепшими глазами.

– О боги, леди Рея! Как же выросла! Красавица. А я тут вот ваше приданое охраняю, не пуцаю супостатов, как ваш батюшка распорядился. Как же, приходили, токма кто ж пустит, пока я тутова.

– Рада, что хоть одна живая душа здесь есть. Прости, только имени твоего не помню.

– Ой, беда... Али приболела? – и, получив мой утвердительный кивок, продолжил, – дедушка Дий я, ещё маленькую, пятьдесят лет назад, учил на цмоках тебя ездить, у родителей твоих служил.

Я видела, что дед искренне мне рад, скорее всего, знает меня с детства, раз называет домашним именем. И оно мне больше нравится, чем Астрея.

– Неужли вы одна, леди Рея? Неужто без слуг? Кто ж вас так отправил?

– Не беда, что в дороге без слуг была, а в имении Цезаря Великого и слуг наняла, и быт наладила. Мне там понравилось. А здесь я ненадолго, только на императорский бал приехала. Думаю, недели две пробуду.

– Смотрю, изменилась, повзрослела, говоришь по-другому, не то что раньше.

– Дедушка Дий, помощь нужна мне: дом-то пустой. Где можно слуг на время нанять? Деньги у меня имеются.

За два с небольшим месяца проживания в имении из пятисот золотых монет я потратила всего сорок, и то пятнадцать из них ушли на ткань для бального платья.

– Ах, бесстыдник твой муж. Он хоть и любимый племянник императора, а всё-таки него-дй. Ладно, слуг найти несложно. Вот пошлю сынишку соседней поварихи к знакомым, и будет всё.

Я достала медячок и передала деду:

– Это чтоб мальчишка поторапливался.

Дед заулыбался:

– Хорошо, что приехали, а то одичал уж один, – и заковылял к соседнему дому.

Уже через два часа у меня появились и кухарка, и горничная, и тот, кто будет за цмоками ухаживать. На моем бюджете это не сильно отразилось. А бал через три дня.

Весь следующий день я, как и планировала, посвятила прогулке по городу. Горничная Одели – молоденькая смешливая девчонка – подсказала, куда можно сходить, и посоветовала нанять для удобства экипаж, даже показала, как с помощью специального артефакта это сделать – я ведь вроде как без памяти, страдаю, хочу посмотреть места, где раньше была.

Из достопримечательностей выбрала вначале набережную – а я думала, мне показалось, что несколько раз пахнуло свежим солёным ветром. Набережная тянулась вдоль морского залива метров на триста, была выложена диким камнем, обсажена какими-то могучими деревьями, куполом смыкающимися высоко вверху над дорожками и поставленными вдоль них лавочками. На большом камне в самом её центре было выбито: «Набережная была построена магом и чародеем, первым императором Рима Цезарем Великим. Он лично посадил все деревья и добывал камень для мостовой. Здесь же он и похоронен. Славься, Цезарь!»

Стало на минуту очень грустно, но только на минуту. Немирович здесь почувствовал себя по-настоящему счастливым, прожил долгую жизнь, его имя произносят с почтением, а значит, и мне грустить не следует. Покойся с миром, мой предшественник!

Я ещё долго стояла на краю пирса, всматривалась вдаль, за горизонт, такой непривычный для жителя Земли: небесная зелень – не цвета травы, а скорее мяты, с редкими, как бы свещающимися изнутри, жемчужно-серыми облаками (Немирович что-то писал о составе воздуха, о высоком содержании кислорода и инертных газов, которые и объясняют цвет атмосферы) сливалась с бирюзовой морской водой. Если бы не особые взаимоотношения с высшим обществом, то я бы с удовольствием построила здесь дом, и не то чудовище позолоченное, где я остановилась сейчас, а тёплый, уютный, настоящий.

Поголяла я знатно. Заметила, что благородные патриции не имеют склонности к променаду, не встретила никого, кто бы хоть отдалённо напоминал их по внешнему виду. Я обошла несколько торговых лавок, приценилась к товарам, даже прикупила понравившихся кружев. Потом поужинала в ресторации – по сведениям Одели, туда ходят только патриции, даже император иногда бывает.

Что ж, публика этого заведения действительно принадлежит к знати, если судить по ширине рукавов и количеству намотанной на талии дам ткани (сама ехала в таком два месяца назад) и шёлковым рубашкам, расстёгнутым до середины, кожаным брюкам и жилетам у мужчин. Мне же белошвейка сшила под моим контролем платье-обманку: с виду я так же, как и другие, замотана в ткань, а на самом деле есть потайные крючки, которые с лёгкостью расстёгиваются даже без посторонней помощи. А вот на императорском балу их ждёт культурный шок, но об этом ещё рано говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.